

Алла Кравец

18+

ПРАВИЛО НОМЕР 8

ПОГРУЖЕНИЕ. ЧАСТЬ I

Алла Кравец

**Правило номер 8.
Погружение. Часть 1**

«Издательские решения»

Кравец А.

Правило номер 8. Погружение. Часть 1 / А. Кравец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507942-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Тьма... Она падает сверху, лишает возможности
видеть, слышать, осязать. Что дальше? Сколько ещё предстоит прожить
минут, секунд? Что делать вам, если вы — юная, уже испытывавшая однажды
истинный ужас и отчаяние девушка, которую однажды тёмной ночью загоняет
в ловушку маньяк-убийца?Конец? Или начало нового? Что скрывает собой
тьма? Что скрывается за пределом ваших возможностей? И готовы ли вы всё-
таки, перед глазами смертельной опасности, совершить шаг к тому, чтобы
выжить?

ISBN 978-5-00-507942-8

© Кравец А.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА 1. ПОГРУЖЕНИЕ	6
Введение	6
Часть 1. Отражения в воде	8
Глава 1. Так начиналось	8
Глава 2. Номер 523	27
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Правило номер 8 Погружение. Часть 1

Алла Кравец

Дизайнер обложки Алла Кравец

© Алла Кравец, 2025

© Алла Кравец, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0050-7942-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-7943-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуй (-те), дорогой читатель!

Как приятно, что вы (или ты) заглянули за обложку. Спасибо!

Эта книга не совсем обычного жанра. Скажем, это смесь фантастики, dark-фэнтези, хоррора, мистики, психологии, драмы, детектива, а также приключенческой литературы. Книга «Правило номер восемь» рассчитана на человека (и это логично), который в чём-то похож на меня, а это значит, что мой читатель наверняка любит что-то из этого: природа, фантастические приключения, адреналин, психология, философия, загадки. Главная героиня – девушка с довольно дрянным характером и таинственным прошлым. Плюс попадает в параллельный мир. Атмосфера повествования – мрачная, готическая, местами жуткая, но не без юмора и красоты. Упора на романтику и отношения ждать не стоит – рейтинг высокий не из-за этого. Есть жестокие сцены, их много, на любителя. Много описаний. Присутствует не агрессивная пропаганда вегетарианства: это необходимо для концепции произведения, но если Вас это коробит – значит, не читайте.

Да, и все мои персонажи, – а также описываемые мною в данном произведении имена собственные, географические, культурные, и прочие объекты, – являются вымышленными мною, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми, а также с реально существующими объектами, случайно.

Желаю приятного прочтения, да вообще, побольше приятностей в жизни!

Кравец А. В.

КНИГА 1. ПОГРУЖЕНИЕ

*«Звёзды падают, сгорая в небе.
Брызги света».*

от Автора.

Введение

Она убежала. Задышалась, с трудом передвигала босыми ногами.

Никогда раньше воздух не казался таким тяжёлым: буквально застревая в легких, он заставлял их сжиматься в судорожных спазмах, будто та самая ужасная музыка, которую она слышала совсем недавно, вновь играет, только на этот раз она слушает её не только ушами, но всем, всем телом...

Держать в голове разумные мысли в те секунды, когда паника врывается в твой и без того порушенный чередой катастроф и только недавно возведённый и выстроенный заново внутренний мирок, и переворачивает там всё опять с ног на голову настолько же сложно, насколько легко соображается, когда вокруг по крайней мере существует видимость гармонии и спокойствия.

Она остановилась. Нужно отдохнуть, хотя бы несколько секунд. Наклонилась, опираясь ладонями о колени.

«Раз, два, три... раз, два, три...»

Непослушное дыхание продолжало с хрипом вырываться из горла. Распущенные волосы упали вниз, густой гривой окутали лицо, от этого жар в теле усилился ещё больше.

*дышишь
слишком громко*

Закрывает рот ладонью, вынуждая себя вдыхать воздух через нос. Быстрым движением руки захватила копну волос, убирая подальше от лица: надо видеть, что происходит вокруг, волосы мешают. Вся скорчившись от страха, она оглянулась назад и замерла, прислушиваясь. Чувствует он ту же усталость, что чувствует она? Может быть, свернул не туда и потерял её?

Тяжёлые шаги, доносящиеся откуда-то издалека, стали ей ответом.

Из горла вырвался приглушённый стон, вперемешку с рыком. Во рту сразу появилась горечь. Плюнув с отвращением на землю, она побежала дальше. До сегодняшней ночи ни разу не доводилось бегать в юбке. Проклятый кусок ткани, поначалу сковывающий движения, теперь, разорванный, свободно болтался как две створки занавесок, открывая взору любого, кто пожелал бы на это поглядеть, её нижнее бельё.

«Пожелал бы уже... хоть кто-нибудь!!»

На улице, как назло, – ни души. Ступни горят огнём. Шёлковая блузка, – такая красивая, полупрозрачная, кремово-бежевого цвета, – наискось разрезана на спине: начиная от места между лопаток и почти до самой поясницы.

Вновь раздался, всплывая в памяти, металлический свист.

*ты
должна
спастись*

Часть 1. Отражения в воде

Глава 1. Так начиналось

Странные, действительно странные вещи начали вмешиваться в кажущуюся всем окружающим тихой и размеренной жизнь одной школьницы из пригорода около шести месяцев тому назад. Тогда, когда всё только началось, в то дождливое ноябрьское утро она сидела в доме своих родителей, читала газету и завтракала. На завтрак был бутерброд с жареной колбасой, и кофе. Газету прочитала быстро. Дождь за окном всё не прекращался. Капли ожесточенно стучали, пытаясь, казалось, всеми силами проникнуть в дом и нарушить царящие там покой и уют (по крайней мере, что до родителей, то те точно считали свой новый дом образцом уюта, в особенности кухню). У их дочери имелось на этот счёт несколько иное мнение, но она предпочитала лишний раз его не высказывать – всё равно не поймут. Она, к слову, специально не пошла в столовую, а вместо этого осталась на кухне, теперь внимательно наблюдая из окна за происходящим на улице ненастьем и мечтая, чтобы время тянулось подольше. Ещё больше она хотела, чтобы позвонил кто-нибудь с её идиотской школы с радостной вестью об отмене занятий, – в связи с тем, что внутри здания кто-то, наконец, удосужился что-нибудь «эдакое» подложить. На худой случай её бы вполне устроило, если бы по радио объявили о надвигающемся стихийном бедствии в виде торнадо.

Телефон в прихожей не звонил. Смерчей в этом проклятом тихом городке не было отмечено с самого момента его основания: по крайней мере, библиотечные архивы это подтверждали, – она сама совсем недавно проверяла. По ту сторону окна можно было наблюдать соседей и случайных прохожих. Люди стремительно бежали: с портфелями, кейсами, с собаками, с детьми, и с пустыми руками, – кто по делам, кто обратно домой. Соседка: скучная одинокая дама, живущая с какой-то мелкой собачонкой, более всего похожей на таксу, – соседка, что всякий раз обижалась, если ей не кивали по утрам в знак приветствия (глупейшее действие, ну, правда ведь), так вот, она как раз возвращалась в свой дом, с сумкой наперевес, обутая в тяжёлые мужские ботинки, неизменно со своей рыжей псинкой на поводке.

«Хм. – Подумала Стелла, а именно так звали девушку. – Ботинки не её. Интересно, она правда кого-то себе нашла? Нашла, ограбила, пристрелила, а труп заперла у себя в кладовой и теперь тратит деньги из его бумажника?»

Мысль о том, что соседка, при всей своей внешней безобидности и вместе с тем чванливости могла оказаться маньячкой, серийной убийцей (которыми, между прочим, так полюбили в последнее время пугать местных жителей здешним газетчикам), показалась Стелле забавной, но не то, чтобы очень. Эта девушка вообще не любила смеяться, зато регулярно саркастически кривилась собственным мыслям. Если ей доводилось в чьём-то обществе развести губы в подобии улыбки, то как правило это делалось с одной целью: чтобы те, кто её окружает, успокоились, увидели, что она тоже человек, а не инопланетянин, и перестали, наконец, досажать своим пристальным вниманием. Инопланетяне, кстати, – так же, как маньяки и душегубы, – газетчикам тоже весьма полюбили, причём в последнее время не только газетчикам, но и органам местной власти (последних, кажется, вконец достали профсоюзные забастовки, и они уже не знали, чем бы таким «приструнить» местных активистов).

«Маньяки-убийцы, инопланетяне... что дальше? Завтра будем читать про злых духов и полтергейст?»

На чердаке что-то грохнуло (там постоянно что-то грохало, кажется, с того самого дня, как семейство Фукс сюда переехало), и грохало частенько, потому как при строительстве этого милого, в общем-то, двухэтажного домишки (одного из длинной череды однотипных, постро-

енных несколько десятков лет тому назад и постепенно устаревающих блочных домишек, что заполняли весь их провинциальный район), кто-то допустил ошибку, повлекшую за собой следующее: стоило соседке открыть или закрыть дверь, как это сразу неким образом откликалось на их половине.

Стелла устало вздохнула. Утренние часы перед походом в школу, сам путь к «обители знаний»: осенью – под проливным дождем; зимой – в сильный снегопад или в мороз, когда холод «щипал» за щёки; весной же, напротив, под пение птиц, – это всегда необыкновенным образом воодушевляло. Один из немногих плюсов провинции, заселённой в основном стариками, состоит в том, что учеников её возраста здесь немного, школьный автобус сюда не заезжает, и можно по пути в школу немного погулять в своё удовольствие, а не терпеть вместо этого шум старенького мотора где-то под ногами и присутствие рядом с собой с самого утра чьей-то навязчивой болтовни. Увы, неоспоримым и совсем не весёлым являлось то обстоятельство, что любая дорога рано или поздно оканчивалась, а на смену ей приходили скучнейшие однообразные школьные будни. Тоска.

Когда-то школьные будни её, впрочем, вполне устраивали. Это пресловутое «когда-то» было в те времена, когда родители Стеллы могли позволить себе водить её в частную школу и оплачивать её занятия фехтованием, художественной гимнастикой, пианино... ох, лучше и не вспоминать об этом. На кой чёрт ей *сейчас* это пианино – всё равно каждый день приходится слушать эту мерзкую музыку... ту, что слышно из радоприёмника чьего-то открытого окна, ту, что доносится с экрана телевизора, который смотрит вечерами мать, а иногда Стелла слышит её и в своих собственных снах, что б их... да и от фехтования, на самом-то деле, мало толку, если только нет в руках чего-нибудь действительно острого и колющего. Ничего ей не помогло *тогда*, три года назад, ничего...

Когда родители после переезда сюда предложили ей вновь записаться на какие-нибудь внеклассные занятия, она наотрез отказалась. Стала замкнутой, разговаривала мало. Родители, впрочем, решили не размышлять о причинах отказа, поскольку они не специалисты, и потратились вместо этого на частного психотерапевта. Вот и по сей день он с ней занимается. По крайней мере, что-то в нём хорошее есть: забавный, картинки показывает, говорит вкрадчиво, и всё такое...

Капли дождя били в окна. Грусть накачивала сильнее, вслед за воспоминаниями. Стелла одновременно и любила, и не любила эти состояния. Приятно иногда забыться и пожалеть себя, вот только не время сейчас. Идти в школу пора, кажется? Она ведь не хочет опоздать, к чему ей это.

Дождливому утру ноября, между прочим, по всей видимости не предстоит стать исключением из правил, – правил о том, что ни одно «маленькое приключение» не будет длиться вечно. Просто ещё одно унылое начало дня, предвещающее дальнейшее унылое его продолжение. И вовсе не ливень на улице огорчает, но осознание того, что нужно опять, снова идти в место, видеть которое совершенно не хочется.

«Добро пожаловать в ад. В самом начале вам будет предложена краткая расслабляющая прогулка с видами на удаляющиеся от вас райские кущи, а затем мы, пожалуй, начнём». – Примерно такими были размышления Стеллы по поводу перспектив нынешнего дневного времяпровождения. Печально, но даже осознание того, что проходящий учебный год в её школьной жизни является заключительным, – и то не радовало. Стелла точно знала: как только она окончит школу, тут же для неё настанет время поступать в новое место учёбы, в чём-то подобное теперешнему. Она сама может выбрать нужные дисциплины для дальнейшего обучения, но что это, по сути, изменит?

«Ещё и врача менять... точно подсунут какую-нибудь идиотку. В моём возрасте ведь положено иметь лечащего врача одного со мной пола».

Невесёлые мысли вязко, вяло текли в голове, – будто незадачливые охотники в поисках дичи забредшие в болотную трясину и по глупости своей даже не пытающиеся никоим образом оттуда выбраться. Стелле не хотелось их подгонять – свои мысли. Они и так зачастую слишком «торопились», потому как она не принимала регулярно назначаемые врачом таблетки (от «плохого настроения», как он их называл). Стелла, впрочем, на настроение своё не жаловалась, и плохим его не считала. Заторможенность мыслей, как правило и так, без таблеток наступающая вслед за вспышками агрессии, её вполне устраивала. Её не устраивало то, что доктор требовал тормозить мыслительные процессы таблетками заранее. Зачем?

А может быть, стоит ей плюнуть сегодня на все дотошно соблюдаемые правила, найти в комнате для гостей на втором этаже отцовскую пластинку с блюзовой мелодией, включить в старенький проигрыватель и послушать, пока не появился кто-то из родителей, не поинтересовался, что это она так рано вернулась с занятий и, не дождавшись её ответа, не включил опять то, что так любят слушать сейчас все вокруг?

Стелла представила, как она тихонько встаёт из-за красного кухонного стула, проходит выкрашенную ярко-бирюзовой краской кухню, заглядывает по пути в маленькую уютную столовую, совмещающую в себе функцию библиотеки, – заставленную ещё пока старой, а не современной мебелью, – затем выходит в гостиную на первом этаже: большую, уставленную жутковатыми по форме креслами (родители звали их «мебелью будущего»), с этими кошмарными вышитыми ковриками под ногами и не менее кошмарными обоями с экзотическими цветами, затем наверх, по лестнице, – оставив большую родительскую спальню слева, – проходит в свою комнату с видом на сад... да, к слову, если забетонированный участок перед домом с двумя чахлыми кустиками по бокам можно назвать садом... так... а где лежат пластинки? Кажется, нужно повернуться на сорок пять градусов влево и пройти в другую комнату, в гостевую спальню...

Стелла встряхнула головой. Пора прекращать это. Надо заняться чем-то реальным, а не пялить вместо этого глаза в дождевые капли. Неужели ей не хочется пройтись по улице, только что ведь очень хотелось? Но туповатое, сонливое состояние не оставляло, одолевало ещё несколько минут. Она и думать уже забыла, где находится её тело, где находятся её мысли, – просто смотрела в окно, выходящее сквозь невысокий забор на дорогу и на дома напротив, – так и продолжая сидеть за столом, до того самого момента, пока внезапно резкий спазм вдруг не сжал ее внутренности.

Скучно уже не было. Спазм вызвал движение рукой, ещё расслабленной, но при этом продолжающей держать кружку с кофе. Кружка полетела на пол, расплёскивая своё содержимое по сине-зелёному, выложенному плиткой полу. Последующий за этим приступ тошноты мгновенно сменился рвотными позывами.

Стелла со всех ног побежала из кухни вверх, кляня планировку дома, принуждающую пользоваться ванной комнатой исключительно на втором этаже. Перед глазами мелькнули вновь эти жуткие обои – с цветами и экзотическими птицами в гостиной, на первом этаже; в клеточку – в прихожей; в ромбик – на лестнице. В её собственной спальне обои были приятного однородного серого цвета, но туда сейчас не по пути. А вот и ванная: кричащая, буквально *орущая*, разноцветная, сама ванна ярко-синяя, плафоны ярко-жёлтые, на полу и по стенам узорная плитка, изображающая некое призрачно-далёкое и радужно-прекрасное в своём разноцветии межзвездное пространство... о, только не галактики, только не сейчас, когда её того и гляди...

Спустя несколько минут поднявшись на ноги, Стелла принялась умываться и чистить зубы. Было бы справедливым отметить, что она, в общем и целом, несмотря на некоторые вполне свойственные её возрасту поведенческие проблемы была очень чистоплотным подростком и никогда не забывала о личной гигиене. Зубная щётка – ярко-жёлтая, с жёлтой щетиной, зубная паста – кислотно-фиолетовая, спасибо матери и её превосходному художественному

вкусу, который она использовала вполне в обустройстве вначале этой чёртовой ванной, затем их с отцом спальни и, минуя не без скандалов комнату Стеллы («Эстель, ты меня убиваешь своим анахронизмом, тебе бы в башне каменной жить...») успешно расправилась с гостиной и кухней, и теперь грозила вот-вот добраться до столовой. Стелла разглядывала своё внезапно потемневшее отражение в зеркале, что аккуратно крепилось к ярко-бирюзовому навесному шкафчику. Цвет лица, слизистые оболочки глаз, язык...

«Это болезнь?»

Глаза, глядевшие из зеркала, сигнализировали более об удивлении, нежели о болезни. Впрочем, виной всему, возможно, был ярко-жёлтый цвет плафона: он делал свет ярче и жизнерадостней, чем нужно.

В школу в тот день она решила не ходить. То, что произошло, даже обрадовало её в чём-то: по крайней мере, появилась действительно уважительная причина понежиться дома, под пушистым пледом, слушая пластинки и глядя на дождь за окном, – а не спешить вместо этого в место, про себя именуемое ею совершенно не лестными словами.

Заглянув (гораздо позже, уже в обеденное время) в холодильник, скорее по привычке, нежели от чувства реального голода, и обнаружив там сковороду с чем-то съестным, Стелла начала было разогревать содержимое на электрической плите, но её вновь начало мутить. На этот раз она сразу догадалась, в чём причина – запах. Приподняв крышку сковороды, она обнаружила внутри источник, от которого чувство тошноты усилилось вдвойне. От греха подальше сковорода была избавлена от находящихся в ней до этого жареных колбасок.

«Отравилась». – Подумала тогда Стелла.

«Либо что-то начало меняться». – Такой была следующая её мысль.

По прошествии ещё нескольких дней, в течение которых приступы недомогания периодически повторялись, – Эстелла Фукс (а это и было её полное имя) узнала о том, что жертвой некоего неизвестного науке и смертельно опасного заболевания она не стала. Ещё она поняла, что тошнит её исключительно в те моменты, когда она пытается употребить в пищу определённые продукты. Мясо, птица, рыба: от всего этого её стало буквально выворачивать наизнанку, – нещадно, заставляя все внутренности сворачиваться в узел в тот момент, когда она всё-таки заставляла себя проглотить что-либо из указанного. Родители, конечно, всполошились не на шутку, стали водить её по врачам и внушать мысли о бесспорном вреде вегетарианства.

«Эсси, ты читаешь слишком много современных журналов. – Попытался вразумить её отец. Он работал в университете, голос у него был поставленный, приятный, и если дочери надо было донести что-то действительно важное, этим занимался именно он. – Туда пишут статьи просто так, от нечего делать, лишь бы бумагу марать. Не нужно забивать голову всякой дурью».

Отец голову дурью не забивал. Он был преподавателем астрофизики в одном видном городском университете. Карьера шла в гору до недавних пор. Потом, три года назад, был кризис. Сейчас отец смирился с происходящим и кажется успокоился. Его устраивала его нынешняя жизнь – по крайней мере, он всеми силами пытался это показать.

«Лучше бы ты всё это сказал маме, а потом выбросил куда подальше её журналы. – Воспользовавшись ситуацией, парировала Стелла. – Или давай я сама выброшу. Посмотри, во что она превращает дом. Это похуже вегетарианства будет».

Отец, несмотря на его обычную мягкосердечность, на сей раз точку зрения дочери не делил. Позже, пообщавшись со своим доктором (естественно, на тему вегетарианства), Стелла поняла, почему. Отец, сам не будучи «растительнойным», попросту на основании первобытных животных инстинктов не мог принять сторону того, кто признавал иной рацион, нежели он. При этом мать, хорошо ли она готовила, или не очень, всё же, хоть и извращалась с интерьером дома как могла и насколько позволял уровень семейного заработка, но также являлась тем,

кто обеспечивал отца вполне приемлемой для него пищей. Ну и, конечно, не только пищей: она ведь была его женой.

Школу теперь посещать стало поприятней. Стелла активно пользовалась теми слухами, что начали ходить вокруг её «прогрессирующей болезни», и стала ещё нелюдимей с одноклассниками. Впрочем то, что Эстелла Фукс «серьёзно больна», одноклассники знали, по-правде, едва ли не с первого дня, как она появилась в их классе. Тогда, когда эта изрядно насупленная девочка среднего роста, тринадцати лет от роду, с немного резкими чертами лица, тёмно-каштановыми волосами, ярко-зелёными глазами и веснушчатый носом вошла в класс, нервно сжимая ладони в карманах своей осенней куртки, – как раз свежи были её воспоминания от того, что произошло с ней рядом с *тем самым* ночным баром. У родителей, за несколько дней до этого, внезапно случились какие-то проблемы с их старым жильём. Мать как-то позже проболталась, что во всём виноваты «старые дедовы грешки», и Стелла знала, что речь шла не о деде со стороны матери, – этом невинном рыжеволосом вдовце и собирателе станинных вещиц, который иногда гостил у них в том высоком многоквартирном «доме-саде» с огромным балконом, с фонтанами внизу и вереницей искусственных прудиков во внутреннем дворе, – но о деде со стороны отца, о котором в семье, почему-то, предпочитали не говорить вовсе, хотя отец как-то ранее неосторожно обмолвился, что у того имелся чуть ли не собственный замок, когда тот был молод и «не замаран». В чём именно дед по отцу был «замаран», Стелле так и не рассказали, но она была достаточно сообразительна, чтобы догадаться. Ещё помогли одноклассники – не старые, новые. Вначале попытались, как это свойственно детям, поиздеваться над её фамилией: на второй день в школе, приглядевшись, стали обзывать «лисой», грозились натравить на неё собак. Затем вспомнили о происхождении самой фамилии, о её корнях (оказывается, подумала тогда не без удивления Стелла, эти тупоголовые провинциалы не так уж безнадежны, раз понимают, что к чему). В общем, дело кончилось не самым приятным образом: мало того, что у Стеллы свежи были навыки занятий фехтованием, так ещё и школьная указка без присмотра оказалась лежащей рядом с письменной доской, прямо под рукой. Она до сих пор помнила, что на доске в тот день была изображена шестигранная призма в наклонном сечении. На этот самый рисунок её швырнули в перепалке двое, вскоре после чего началась настоящая битва. Вернулась домой Стелла в тот вечер в сопровождении отца и, как говорится, с «кровью врага своего» на одежде. Кровь удалось «пустить» самому крикливому, и крови было, правда, ну совсем немного, однако отец был страшно огорчён, и уже глубоким вечером, подслушивая через стенку родительскую беседу (они вели её на тогда ещё нормальной, не «инопланетной» кухне), она услышала что-то насчёт «дурных генов» и «опасной наследственности». Стычку с одноклассниками удалось каким-то образом замять (наверное, помог более всего тот факт, что у Стеллы во время драки оказалась чем-то порезана щека, и было принято решение, что оба ребёнка немного вспылили, так что виновных, в общем-то, нет), однако за Стеллой Фукс с того самого дня прочно укрепилась слава начинающей маньячки.

Правда, хоть впоследствии про неё и шушукались по углам, но навыки владения шпагой больше демонстрировать никому не пришлось, так как прямых издёвок в её адрес слышно не было. Немалую роль в этом сыграл тот факт, что Стелла, при всей своей детской худобе и угловатости, была хорошо развита физически, и это, – вкупе с вечно хмурым лицом, сдвинутыми бровями и непримиримой привычкой не ездить на школьном автобусе, а вместо этого ходить в школу и со школы какими-то звериными тропами через самые тёмные закоулки парка (будто специально провоцируя кого-то попытаться напасть на неё, будто нарываясь на это), – всё это послужило сигналом прочим детям обходить её стороной.

Итак, без того уже давно всеми отверженная, после недели «отсидки» дома Стелла стала ещё нелюдимее, чем прежде. В минуты перемен между уроками она каждый раз спешила уйти дальше от духоты классной комнаты и от постоянных криков ровесников, которые, казалось,

не могли просидеть в тишине даже доли секунды. Ей хотелось сосредоточиться и подумать. Подальше отсюда.

Глядя на дочкино лицо, постоянно теперь сосредоточенное на чём-то, на каких-то неизвестных им мыслях, как-то враз вспомнились вдруг в семье Фукс занятия художественной гимнастикой, музыкой и прочее, – и теперь предложение родителей о внеклассных занятиях, казалось бы, пришлось как нельзя кстати, но Стелла от них отказалась, прибавив, что никак не хочет из-за этих «детских шалостей» прерывать подготовку к экзаменам, а также свои походы к доктору. Родители только плечами пожали.

«Что об этом думаешь, солнышко?» – Спросил отец мать, когда та, в своём весьма фривольном домашнем наряде, более подходящем, по мнению Стеллы, в доме терпимости, нежели в столовой, убирала с нового терракотного стола ярко-салатного цвета посуду.

«Я думаю, что кто-то, наконец, заинтересовался мальчиками. Она у меня недавно попросила журнал. Косметика, и всё такое».

«Думаешь, стоит это поощрять?»

«У нас нет выбора, дорогуша. Она начала сама себе готовить, да и успеваемость вполне приличная. Видимо, выкраивает время для всего понемногу. Не трогай её, она уже взрослая девочка. Может, сменит, наконец, гардероб. Видеть не могу всей этой серости... да, кстати, ты не находишь этот цвет обоев слишком бледным? Моя ассистентка из галереи говорила недавно...»

Тем временем, у Эстеллы Фукс зрел в голове некий план. План *мести* – если сказать точнее. Мести за *тот самый* случай, у бара. Она, сама того не понимая, вынашивала его эти долгие три года. Теперь она поняла, что у неё в руках постепенно собирались все инструменты, и лишь последнего не хватало, – до того ноябрьского завтрака с бутербродом. Теперь всё есть, теперь она примется за исполнение. Из школы обратно домой она по-прежнему ходила, нарочно выбирая самые длинные и запутанные пути, длинее, мрачнее, дремучее обычных. Все свои действия она сейчас сверяла по часам, сразу после ужина и подготовки домашних заданий старалась поскорее улизнуть подальше из дома. Она понимала, что одних заброшенных парков для подготовки недостаточно, пора исследовать местность дальше, гораздо дальше от их района. Надо заметить, что для сторонних прохожих, когда они встречались ей на пути, её подготовка не являлась чем-то необычным или привлекающим внимание. Стелла просто ходила, бегала, а когда её тело уставало – бороздила улицы быстрым шагом. Выглядело это со стороны, что и говорить, довольно странно, но странным это было бы только для того, кто бы действительно за ней постоянно следил. Те же редкие прохожие, что ей иногда встречались, видели только, что она куда-то спешит. И почему бы подростку не спешить?

Постепенно новые привычки стали приносить определённые результаты. Привыкшее изначально, с самого детства, к серьёзным тренировкам, тело её, казалось, только радо было наверстать упущенное за три года. В мышцах вновь начала проявляться сила. Сильно отросшие вдруг волосы стали приобретать непривычный медный оттенок, как у матери. И мало того: Стелла готова была поспорить, что какие-то странные, не с первого взгляда уловимые, но всё же явные изменения начали происходить не только с её телом, но и даже с чертами лица. Оно становилось каким-то чужим, не её, непривычным. Впрочем, последнее, касательно лица, она могла, как и многие подростки её возраста, сама себе просто надумать. Но в любом случае, Стелла была, можно сказать, довольна происходящим. Эта новая девушка ей начинала нравиться, у неё был взгляд не просто озлобленный или потерянный, но осознанный. Эта девушка точно знала, чего хочет, и не собиралась просто так глядеть пол-дня на дождевые капли и слушать пластинки. Даже глядя на капли и слушая музыку, она была бы сосредоточена, постоянно, как натянутая струна...

Омрачало сложившиеся обстоятельства одно: ставшая вдруг очень навязчивой забота родителей, причём обоих. Они, правда, раздражали. Не хотелось этого признавать, но... что было, то было. Не проходило и дня, чтобы Стелла не задумывалась о том, как сильно хотелось бы ей жить где-нибудь далеко, чтобы не было этих постоянных разговоров о ней: разговоров, которые отец и мать регулярно устраивали, нависнув сверху подобно двум строгим учителям. Почему-то им вдруг понравилось временами совершать подобное, хотя до этого, ранее, они вели себя, по мнению Стеллы, вполне сносно и такого себе не позволяли. Не лучше были разговоры, что они вели между собой в соседних с ней комнатах – уверенные, по всей видимости, в том, что она их не слышит. Кое-что она была бы только рада не слышать, честное слово. Бывало, изредка Стелле становилось стыдно за эти свои мысли. В такие минуты она чувствовала, что должна быть терпимее и мягче, ведь все нравоучения этой «сладкой парочки», по сути, являлись выражением самой что ни на есть естественной и любящей заботы о ней. Она повторяла себе это довольно часто, вспоминала, как хорошо им жилось когда-то в «доме-саде», как весело было ей играть во внутреннем дворе, пугать по утрам запрятавшихся в ветках ив птишек, затем смотреть вечером, как умильно те пьют воду из фонтанчика, перед тем, как спрятаться вновь в кроне дерева; как она с благоговением слушала заветы отца о том, что не стоит птичек обижать и пугать; как здорово было по весне и летом подкармливать плавающих в пруду залётных уток, *созерцать* вид с балкона (искусству созерцания её обучила мать – заслуженный сотрудник хоть и слишком современной, но всё же настоящей художественной галереи), вспомнить, наконец, пианино и улыбку той же матери, когда её дочь на нём играла; вспомнить, помимо этого, разные гимнастические агрегаты, огромный фехтовальный зал, – что располагались в самом центре того огромного города, на окраине которого они сейчас проживали; и те приятные зимние праздничные вечера, когда они собирались всей семьёй и пели какие-то нелепые песни... приезжал дед (вначале с бабушкой, а позже, когда бабушка умерла, один), рассказывал разные истории из своей юности... в общем, всё это было, разумеется, очень здорово, но Стелла знала вот, что: существовала некая Эстелла Фукс в *том* мире: жила эта маленькая девочка с каштановыми волосами в «доме-саде», мечтала о собственном домашнем питомце, и о музыке, и о достижениях в гимнастике, и о многом другом... а существовала нынешняя девушка – рыжеволосая, сухошавая, обозлённая (то ли девушка, то ли зверь, по правде) и не знала она, кажется, толком, какая у неё фамилия, как её имя, и кто она вообще такая, знала только, что хочет отомстить. Стелла приняла эту «девушку-зверя» как должное: с тех самых пор, как случилось то, что *случилось*, она, один-единственный раз допустив промах с «побоищем» в классе, вообще старалась быть незаметной и принимать то, что с ней происходит, без участия каких-либо сильных эмоций. Что произошло, то произошло, и назад этого не вернуть, но она обязательно отомстит, только нужно подождать немного, сил набраться, опыта... продумать тщательно *стратегию* и *тактику* – как, помнится, её учили в детстве вести себя перед поединком на фехтовании. И злость, эта нервующая злость на родителей являлась здесь совсем ненужной эмоцией, лишней, неразумной, но...

...но чтобы она не делала, какие бы психологические «приёмчики» не применяла, однако сбивающие с нужного настрой мысли возвращались к ней вновь и вновь, – и стимуляцией этим приступам служила очередная порция маминой и папиной опеки. И так было постоянно, день за днём. Стелла стала сама себе напоминать заядлого грешника, который каждое утро исправно ходит в церковь – замаливать грехи, а к вечеру успевает накопить новых, едва ли не вдвое больше, чем у него было с утра. Мысленно ругая себя за невыдержанность и грубость, она никак не могла заставить себя хоть изредка помолчать, прислушаться, смириться с тем, что слышит каждый вечер.

«Эстель, ну в самом деле, нельзя быть такой злючкой...»

«Эсси, дорогая, ты правда могла бы послушать кого-то, кроме себя... разве нет?»

«Действительно, что тебе стоит, а, Эсси? – Думала Стелла иногда, в тишине своей комнаты. – Промолчи ты, хоть раз. Можно ведь даже не слушать, что они там говорят. Просто молчи. Ты ведь молчишь, когда неразлучники: те, голубой и зелёный, что живут у мозгоправа в кабинете, – начинают чирикать? Ты же не вступаешь с ними в дебаты, правда? Так и здесь. Ну же!»

Терзаемая впитанными ею задолго до того, как начала активно проявляться её тяга к независимости моральными принципами, Стелла, разговаривая с родителями, всякий раз стала представлять забавное птичье щёлканье и вздыбленные хохолки. Какое-то время это работало.

С приходом апреля всё изменилось. Во-первых, попугаи вдруг неожиданно «переехали» к мозгоправу домой. Как дословно произнёс этот идиот, поглаживая свои редкие седеющие волосы и поправляя на носу огромные очки: «...дети очень просили птичек домой, да и некоторых посетителей попугаи стали нервировать. Не все, кто бывает в этих стенах, такие же воспитанные юные особы как ты, Эстелла».

Это была плохая новость. Во-первых, Стелле сразу в голову закралась мысль, что птиц не забрали домой, но какой-то больной истерик просто-напросто распахнул клетку, и в лучшем случае попугаи улетели в открытое окно, в худшем – погибли насильственной смертью. Радости событие отнюдь не прибавило. В пользу того, что птицы, всё же, остались живы, говорил факт, что в апреле окна кабинета были постоянно открыты. И дети у него действительно были – двое. Да и рассказывая историю, врач явно не нервничал. Так что Стелла решила до правды совсем уж не допытываться, однако с исчезновением реальных птиц у Стеллы потерялся стимул к вдохновению во время разговоров с родителями.

Впрочем, ей нашлось, на что переключиться. С некоторых пор она начала замечать на себе какие-то странные взгляды со стороны окружающих. Как человек, разрабатывающий некий план действий, связанный с реальной опасностью, она привыкла на всё обращать внимание и чувствовать всякое постороннее воздействие на себя, взгляды в том числе. Спустя некоторое время Стелла поняла, что это были за взгляды и с чем их появление было связано. На неё засматривались. Основной мыслью, когда она это осознала, стала крайне ненужная сейчас, но при этом весьма приятная для чувства себялюбия гордость от осознания нежданной, – раскрывшейся для неё, правда, совершенно внезапно, – собственной *привлекательности*.

«Предположим, тебе не нравится внимание, но ведь это можно использовать себе на пользу, как *орудие*». – Внезапно осенило Стеллу. В тот вечер родители очень кстати ушли на какую-то очередную то ли музыкальную, то ли художественную вечеринку, а она твёрдой рукой взяла с журнального столика материн модный журнал, к которому до этого интереса не проявляла ни малейшего. Надолго, впрочем, её не хватило. Читиво про макияж, причёски, украшения и прочее оказалось довольно скучным, но вот что касается статей про одежду и её сочетание меж собой, – этот материал она проштудировала основательно, и впредь в подобных журналах старалась выискивать только заметки на эту тему. Одежда, а не лицо – первое, на что обратит внимание *незнакомец*. Это важно.

При всём при том, острое, почти болезненное желание двигаться набирало обороты. Желание движения стало буквально изводить, не давая спать ночами, изматывая во время школьных будней, требующих дисциплины и усидчивости. Вечерние прогулки становились все более длительными, а часы продолжали безжалостно, безучастно отсчитывать секунды и минуты. Времени на то, чтобы вдоволь «подышать воздухом» и при этом сделать в срок все домашние задания (которых с каждым днём задавали всё больше) катастрофически не хватало. Часы продолжали безжалостно тикать. В конце концов, нервы не выдержали.

– Что ты думаешь о выпускных экзаменах, Эсси? – Спросил как-то за ужином озадаченный отец. Он всегда звал её так, уменьшительно, упорно не желал называть полным именем, будто боялся, что стоит ему его произнести, как его милая дочурка сразу превратится в некого

доисторического монстра и проглотит его живьём. – Ты много времени проводишь на улице, и мало за учёбой. Сейчас надо бы подумать о своем будущем, а не о прогулках, как считаешь?

Стелла как раз на тот момент была мысленно занята очередным продумыванием деталей своего «плана мести». Она в последнее время очень часто о нём думала: и за едой, и перед сном, – и крайне не любила, когда её отвлекают от этого занятия. Никогда до этого она не позволяла себе подобного, но произнесённая в тот вечер родителем фраза (произнесённая в момент *крайне важных* для неё умозаключений) подействовала на девушку примерно с тем же успехом, как появление пирожного с кремом воздействует на ребёнка, – которого, по каким-либо причинам, надолго отлучают от сладкого. Проще говоря, ей просто «снесло крышу». Быть может, дослушай Стелла слова отца до конца, – это помогло бы ей избежать неприятностей в самом скором будущем. Но слушать она не собиралась. Она в бешенстве выскочила из-за стола. Странный, нарастающий в ушах *шум* заглушал собой все голоса, все звуки, – и любые доводы, пытающиеся противостоять ему, казались враждебными. Громкий стук вилки, которая с лязгом отлетела от тарелки с едой и упала на пол, не дал отцу продолжить.

– Не лезь в мои дела. Слышишь?! И хватит меня так называть, мне не пять лет!

Затем она побежала (прямо в том, в чём была одета за столом), побежала к выходу, оставив распахнутой входную дверь родительского дома, побежала, переходя постепенно из лёгкой трусцы на ожесточенный бег. За ней никто не побежал. Почему?

«Перед своими школьными экзаменами я, помнится, дорожный столовый сервиз разбила, и нарочно». – Поделилась с мужем мать Стеллы, ободряюще поглаживая его по плечу. – Мой папаша сказал потом: доченька, ты лучше в следующий раз поори на меня – дешевле обойдётся».

«Лучше бы и она что-нибудь разбила». – Опустил голову безутешный отец.

«Эй, только не мой фарфор! – Шутливо заметила женщина. – Мне его папочка подарил. Скажу ей потом, пусть побьёт твои пластинки».

«Она их тоже слушает. Тебя наказали тогда за сервиз?»

«Наказали, и весьма, знаешь ли, болезненно. Зад болел пару дней, если не больше».

«Я против любого насилия, ты же знаешь».

«Давай сделаем вид, что ничего не было. Всё пройдёт, дорогуша. Все подростки немного сумасшедшие, а тут ещё эти экзамены».

«Возможно, ты права, дорогая».

Они было довольно прогрессивны, родители Стеллы. Они поговорили и решили, что всё уляжется само собой. Они считали, что их дочь исправно пьёт по утрам таблетки зверобоя и валерианы, и просто немного взвинчена из-за предстоящих выпускных заданий. Они не знали о том, что случилось *тогда*, давно, сразу перед отъездом из «дома-сада».

Никто не знал.

А Стелла, – Стелла бежала в этот вечер долго, очень долго, через раскинувшееся от дальних жилых домов поле, большое, заросшее сорной травой. Она не останавливалась до тех пор, пока у неё не начали отниматься ноги. Тогда она просто упала в траву, не имея сил двинуться. Мышцы болели, одежда насквозь пропиталась потом. Она чувствовала боль во всём теле. Но одновременно с этим она почувствовала впервые и то, чего ей так не хватало, и то, о чём родители никак не могли догадаться.

Предчувствие. Радость. *Яростная радость предчувствия*.

Стелла решила назвать это так.

Май в этом году выдался невероятно теплым. Особенно приятны были майские ночи. Месяц спустя после апрельского скандала, в ту самую роковую ночь Стелла шагала по улице,

наслаждаясь приятной прохладой. День был погожий, и к ночи погода отнюдь не стала хуже, так что она совершенно не переживала по поводу того, что нарядилась совсем по-летнему. На ноги были обуты лёгкие босоножки, верхняя одежда представляла собой развевающуюся от малейшего дуновения ветерка юбку и такую же точно блузку, только оттенка чуть светлее, аккуратно подпоясанную. В темноте, подсвечиваемой лишь редкими уличными фонарями, ткань обоих предметов гардероба, юбки и блузки, казалось, даже светится изнутри. С каждым новым совершённым шагом Стелла ощущала, как плавно качаются из стороны в сторону складки почти невесомой ткани, как в унисон с ними, напротив, тяжёлые волны распущенных волос пружинят вдоль её спины и плеч. Она представляла себе эту картину, и на губах её сама собой возникала самодовольная улыбка.

«Я сделаю это. – Думала она. – Сегодня».

Многие, вероятно, осудили бы Стеллу за такое поведение. Они бы назвали сегодняшний наряд чересчур вызывающим для ночной прогулки, выбранное время – опасным, а настроение – излишне самовлюблёнными. Стелла, в общем, и сама осознавала импульсивность своего поступка. Тем не менее, она считала: у нее имеется повод вести себя так, вызывая и беспечно. Её распирало огромное желание показать свои стройные ноги, аккуратные лодыжки, обозначить тонкую талию, распустить густые темно-рыжие волосы. Пусть все смотрят и расступаются перед ней, ей всё это доставляет удовольствие впервые за прожитые годы, – потому что она, наконец-то, *готова*.

Вполне вероятно, что то, что случилось с ней этой же ночью, явилось наказанием свыше, за странные, импульсивные, противоречащие чувству безопасности наклонности. Текущая майская ночь, к слову, вообще-то изначально предвещала своим наступлением события необыкновенные. Примерно за неделю до этого судьбоносного ночного происшествия, случайно послушав выпуск новостей по радио, Стелла узнала о метеоритном дожде, который должен был быть виден в небе над районом, в который входил округ, где она жила. Событие не слишком-то её увлекло, когда она услышала о нём впервые: поскольку о метеоритном дожде сразу начали активно судачить в школе, это порядком надоело в первые же пару дней. Кроме того, ближе к концу учебной недели Стелла встретила ещё и парочку неблагополучного вида личностей на улице, – с плакатами, вещающими что-то о конце света. Всё это походило на начало какого-то идиотского фильма про инопланетян, или на чей-то розыгрыш, так что Стелла принципиально перестала обращать внимание на ажиотаж, что творился вокруг.

К несчастью, всеобщее беспокойство послужило причиной очередного скандала вечером накануне выходного дня. Отец Стеллы (в отличие от неё прекрасно осведомлённый в том, что в их городе за прошедшие пять дней произошло два весьма неприятных инцидента, главными участниками которых являлись: в первом случае – группа молодых людей возраста самой Стеллы, во втором – двое мужчин и одна женщина с не самой лучшей репутацией), – вежливо, но категорически запретил дочери сегодня выходить куда бы то ни было, а тем более – на ночь глядя. Разумеется, это лишь вывело своенравную Стеллу из себя. Она не понимала, чего это всегда добрый и покладистый, отец вдруг внезапно посуровел. Разумеется, их вечерняя «беседа» прошла на весьма повышенных тонах. Удивительным в сложившейся ситуации явилось лишь одно: ей каким-то сверхъестественным образом удалось, всё же, ускользнуть из дома позже. Не иначе, метеоритный дождь своим чудесным небесным излучением умел воздействовать и на неуёмную родительскую бдительность.

Она не стала в этот раз шуметь и сбегать из дома, хлопнув дверью. Вместо этого она дождалась ночи, тихо оделась, ещё тише вылезла из окна, совершенно неслышно перелезла через забор, а затем пошла вперёд. На улице было влажно, на траву уже выпала ночная роса. В домах в округе не горел свет. Особо густо засаженные дворы благоухали сквозь невесомые изгороди ароматами цветов: обычно такое происходит летом, когда жарко, в августе, но... эта ночь, майская ночь, и впрямь была невероятно тёплой. Где-то в начале улицы виднелось яркое

зареву – не от метеоритного дождя, это были огни города. Там, в этом городе, где-то по-прежнему стоит «дом-и-сад», но в той самой большой квартире в несколько комнат, где обитало семейство Фукс, теперь уже живёт кто-то другой...

Рядом с местом, где внезапно остановилась Стелла: прямо через дорогу, за огромным длинным полем, – были лишь непроглядная тьма внизу, прослойка тумана посреди, и тёмное небо с едва мерцающими точками звёзд сверху. Там, в траве, наверняка приятно пахло молодой порослью, и было очень тихо. Оттуда, наверное, лучше всего будет виден чуть позже метеоритный дождь. И можно отложить пока план мести, пойти туда, лечь на траву и смотреть на постепенно появляющиеся звёзды: они станут видны, когда та небольшая завеса тумана, что нависла сейчас над полем, уйдёт. Промокшую от росы одежду можно посушить, а обувь – отмыть от земли. Правда, туман может и не уйти. В таком случае есть вероятность вымокнуть и замёрзнуть, лёжа в траве. И не увидеть никакого метеоритного дождя.

Да и к чёрту его, этот дождь! Лучше вместо этого пойти посуху прямо вдоль дороги, к зареву города, свернуть в одном месте влево, в другом вправо, затем пройти пару подворотен... и начать, наконец, реализовывать вожеленный *план мести*...

Спустя примерно полчаса Стелла стояла перед зданием «Вакханалии», – одного из местных ночных баров, не совсем на окраине, но и не в самом центре города. Такие места называли «злачными». Внутри, за стенами, прямо сейчас взбалтывался коктейль, составленный громкой музыкой, взбалмошными криками агрессии, возбуждения, похоти и желания выплеснуть накопившийся адреналин. Те, кто регулярно приходил сюда и закрывал за собой дверь с той стороны, как правило на протяжении следующих нескольких часов не задумывались о том, что их ждёт завтра. Они существовали только «здесь» и «сейчас». Стелла искренне ненавидела это место – и тогда, и теперь. И сегодняшним вечером (сейчас она поняла), ей не стоит находиться тут.

«Нет, я не готова. Я всё ещё не готова. Слишком рано. Нужно больше времени. Чёрт...»

Пройти мимо, чтобы не слышать того шума, что исходит от невысокого двухэтажного строения – вот чего Стелле сейчас по-настоящему захотелось. Однако, как это частенько случается с теми, кто не думает о том, что делает, а потом вдруг решает срочно всё изменить, – желанию её не суждено было исполниться так скоро. Она уже шагнула в обратную сторону, как одновременно произошли сразу две вещи. Во-первых, дверь бара вдруг резко открылась. На порог выскочил молодой парень, по всем признакам находящийся в состоянии опьянения (какого именно – непонятно). Подпевая заплетающимся языком словам какой-то современной песни, – одной из тех, что Стеллу особенно раздражали в последнее время, – молодой человек, ничуть не смущаясь её присутствия рядом (либо просто не заметив её), побежал за угол, дёрнул за ширинку штанов и принялся что-то выделять со стеной здания: что-то, слабо напоминающее сразу два возможных процесса. Впрочем, двойственность восприятия была уничтожена очень быстро, а всё благодаря второму событию. Несколько секунд спустя, оттуда же, из-за угла здания, раздался полный возмущения визг. Мгновением позже на парня с полуспущенными штанами уже стремительно надвигалась жуткого вида особь, – судя по длине волос и тембру голоса, всё же, женского пола. Держа высоко над головой плакат, с которого на землю теперь что-то капало, – она начала изрыгать проклятия, вперемешку с фразами, напоминающими уже слышимые Стеллой на днях предсказания конца света.

Произошедшее буквально вывело из себя. В голове зашумело так, что стало больно, – и только стойкое чувство безразличия и желания оказаться подальше отсюда не позволило заорать на обоих, но вместо этого ускорить шаг и пройти мимо.

«Тихо, тихо, это тебя не касается. Это не *они*. Это не *они*, и тебе нет до них дела. Иди своей дорогой, и поживей».

Когда расстояние между ней и «Вакханалией» увеличилось до ста шагов, Стелла начала понемногу успокаиваться. Её состояние в последнее три года было весьма неустойчивым, и порой захлёстывающие её эмоции очень быстро сменялись прямо противоположными.

«Давайте, пропивайте последние мозги. – Окончательно приходя в себя, когда звуки ненавистной её слуху музыки остались где-то за спиной, думала Стелла. – Метеоритный дождь вам, придуркам, в помощь».

В очередной раз она порадовалась тому, что находится не там – не внутри здания, не рядом с...

Да

К обычным мыслям вдруг примешался голос, – голос уже знакомого ей, и бывающего порой даже весьма навязчивым, невидимого «собеседника».

Ты выше всего этого

Так, Стелла?

Сильнее

Разумнее

Лучше

чем они

Стелла не любила этот голос. Во-первых, вместе с ним приходили на ум весьма неприятные ей воспоминания. Во-вторых, уж больно властно он иногда звучал в том месте (в её голове), – в месте, где положено по природе звучать всего одному голосу. Порой он смущал её, и ей приходилось прилагать определённые усилия для того, чтобы от него избавиться.

Голос, однако же (это был голос), никак не желал успокаиваться, но лишь крепчал, становился громче. Стелла понимала, из-за чего он «разошёлся»: она позволила себе погрузиться в прошлые воспоминания там, у бара, хоть и знала, что нельзя. А он как раз и появился после *того* случая, три с половиной года назад.

И всё же, Стелла уже достаточно была приучена к неслышимому для других собеседнику, чтобы суметь взять над ним верх. Пусть не сразу, пусть ещё через сотню-другую шагов, но он затих. А когда это наконец произошло, Стелла поймала себя на мысли, что слышит позади чьи-то неторопливые шаркающие шаги.

Первой реакцией стало возросшее чувство ещё не до конца покинувшего её раздражения. Кто такой, зачем прицепился? Шаги, впрочем, слышались на довольно приличном расстоянии, так что Стелла решила пока не оборачиваться. Она лишь, не замедляя хода, неторопливо поправила рукой волосы. Вьющиеся пряди тихо зашуршали под ее пальцами. На ум почему-то пришёл звук падения осенних листьев, сорвавшихся с веток.

И ветер уносит их прочь...

«Опять этот голос. Спокойно».

...однако, что-то с этими шагами не так. Размеренные, тихие, они в точности *повторяют* её шаги. Может, кто-то идёт сейчас сзади, специально подстраиваясь под ее неспешную походку? Возможно, кто-то решил «приударить» за ней сегодня? Стелла не питала особых иллюзий касательно своей внешности, но всё же не была лишена здравого смысла и пони-

мала, что уж просто симпатичной её вполне можно назвать, особенно в свете последних месяцев. Действительно, её стройные ноги, подтянутая фигурка, обёрнутая полупрозрачной тканью блузки, и конечно подсвечивающиеся светом фонаря тёмно-рыжие локоны вполне могут привлечь проходящего мимо молодого человека.

Или насильника?

Внутренний голос тревожным непрощенным колокольчиком зазвенел в голове. Стелла внезапно почувствовала: тёплая майская ночь перестаёт быть такой же тёплой, как раньше. Её пробрал озноб.

«Почему насильника? Я могу понравиться и кому-то нормальному... разве нет?»

Внутренний голос не ответил, – укрывшись вместо этого где-то в недрах её подсознания. Тем не менее, своей изначальной подозрительностью он успел внести достаточно смуты для того, чтобы Стелла, вопреки своему мнимому спокойствию, всё же не выдержала и оглянулась.

Позади себя, на расстоянии пары десятков шагов, она увидела грузного широкоплечего мужчину, одетого в старый мятый брючный костюм непонятного цвета. Угромо застывшее лицо его, с широким овалом, грубыми чертами и нависшими бровями, – не отрываясь смотрело в её сторону. Выражение этого лица ей определённо не понравилось.

Стелла сразу отвернулась и быстро зашагала дальше. Сердце громко колотилось от внезапного испуга.

«Не тот, кто нужен. Это – *не тот*, для кого готовился план».

Этот импульс, будто нож для писем, словно бы *разрезал* оболочку её внутреннего спокойствия, и все страхи начали, один за другим, вылезать наружу.

«Вот идиот. – Подумала она, ещё сильнее ускоряя шаг. – Надо же так напугать. Пьяница. Точно, это пьяница».

Методично постукивали об асфальт подошвы её босоножек. Им вторили размеренные тяжёлые шаги и поскрипывание подошв мужских туфель о жёсткую поверхность дорожного асфальта. Эхо их совместных шагов далеко разносилось по тихому кварталу. В первый раз за время своих походов Стелла была не рада тому, что на улицах нет ни души.

«Этого не может быть. – Внушала себе она, пытаясь успокоиться и не осмеливаясь, при этом, повернуть голову назад. – Он накачался в баре, да, а теперь идёт к себе домой. Это всего лишь нож для писем... нож для писем... а может, он спешит к своим друзьям?»

Сердце колотилось всё быстрее. Если область своего внутреннего спокойствия представить как Храм, то сейчас, в эти самые мгновения, храм безжалостно разрушали своим натиском древние чудовища: Страх и Паника.

*Ну да
Верно
Это*
ЧУДОВИЩА

Стелла ускорила шаг.

Секундой позже она поняла, что шаги позади неё тоже стали быстрее.

Сомнений не оставалось: неприятный, страшный мужчина не просто шёл.

Он преследовал.

Её.

Сердце застучало.

Сильно-сильно.

Она побежала.

Вот теперь Стелле было по-настоящему страшно. Почему-то ей казалось, будто с ней уже никогда не произойдет ничего подобного. Один раз: тогда, три с половиной года назад, перед отъездом из «дома-сада», – она уже попала в западню, но ведь тот один раз *уже случился*, и она получила своё сполна. И вот теперь... Опять? На этот раз всё будет немного по-другому, или... нет, только не надо сейчас подробностей. Не забывать про бег. Она была бы очень рада встретить сейчас на улице хоть кого-то. У того молокососа, что отливал на стену «Вакханалии», наверняка мозгов был дефицит, а штаны до сих пор наполовину спущены, – зато, скорее всего, имелись дружки в баре, и их было много, и за ними никто не гнался по ночным улицам.

«Вакханалия» осталась там, далеко. А здесь темно, и свет во всех окнах потушен. Половина домов заброшена вовсе, и неудивительно, учитывая, какой «славной» репутацией пользуется данный райончик. Стелла помнила.

«Нехороший знак».

Она не выдержала.

– Исчезни! – Срывающимся голосом крикнула Стелла себе за спину, мгновенно пожалев об этом: звук голоса, интонация, и даже сама фраза говорили о *страхе*. О страхе. Преследователь, вероятно, прекрасно это ощущает. Лучше бы промолчала.

Скорость бега пришлось усилить. На нынешний страх накладывались воспоминания о прошлом, было темно, плохо видно дорогу. Всё больше теряя контроль, Стелла начала отвлечаться. Пару раз она споткнулась, а через парочку кварталов вовсе «полетела» носом вниз: рухнула с размаху, споткнувшись о пробоину в асфальте, прямо сюда же, на пыльную дорогу.

– Давай же, давай... – Судорожно зашептала насмерть перепуганная старшеклассница, сразу поднимаясь и начиная яростно теревить замочек босоножки, чтобы снять её. Боли не ощущалось ни в расцарапанных гравием коленях, ни в расшибленных ладонях, – только жар в теле усилился. Взвизгнув от счастья, когда обувь, наконец-таки, удалось снять (о, в другое время она возненавидела бы свои собственные голосовые связки за эти жалкие «жертвенные» звуки), – Стелла побежала дальше. Через несколько шагов подумала о том, что надо бы и босоножку захватить: хоть какое-то орудие в схватке один на один. Она развернулась назад, но тут...

Звук, – такой необычно громкий, жуткий и страшный, – он раздался **ПРЯМО** за её спиной.

Звук рассёк ночную тишину, а сразу за ним послышался треск разрываемой под сталью...

«...моя кожа...»

Это была не кожа, – пока всего лишь ткань её блузки.

Страх, словно удар хлыста, на этот раз придал двойную силу. Она побежала вперед, босиком, ещё быстрее.

С тех прошла, наверное, целая вечность, а погоня не прекращалась. Она задыхалась от непрерывающегося бега. По-прежнему, однако, не было возможности отдышаться, затаиться, набраться сил. Только неумолимый ужас до сих пор помогал двигаться, но, разумеется, это не могло продолжаться вечно. Стелла помнила приёмы из фехтования, обладала некоторыми навыками, и могла бы попытаться себя защитить, но сейчас... она сейчас безоружна, при себе даже палки нет. И силы, правда, уже на исходе.

Страх заставил позабыть обо всём: о жажде мести, о собственном величии, о самой себе, как о полноценной, целостной *личности*. Она была сейчас лишь загнанным зверьком, который пытался спасти свою жалкую, никчёмную, но такую важную для него жизнь. Инстинкт, вне разума – вот, чем она являлась в эти минуты. Она в своих планах всегда представляла *их*, только *их*, и рассчитывала на встречу с *ними*, а не с тем, кто вот-вот нагонит её. Он намного больше, выше, он бежит быстрее, он не устает...

«Да почему же он не устает?! Ведь должен!! Не могу...»

И тогда она внезапно поняла, что именно ей предстоит сделать. Это было унижительно, и совсем не так, как она планировала когда-то, но...

Выбора нет. Спрятаться. Нужно спрятаться – в таком месте, где это чудовище её не отыщет.

Они, двое, находились у самой окраины города, – но не с той стороны, где жила Стелла с родителями, с другой. Там, где находился дом Стеллы, кажется, лет сорок тому назад или чуть больше, было выстроено сразу несколько десятков коттеджей, составляющих в данное время тихий провинциальный жилой район. В отличие от него, *здесь*, в этой части города, застройка в самом начале как-то не задалась, но недавно власти города этим озаботились, и вот-вот готовились возобновить обширное строительство стоящих ряд друг за другом высотных, многоквартирных домов. Стелла довольно неплохо знала эту местность: именно здесь, возвращаясь со школы в обход «Вакханалии», и делая после большой крюк по пути домой, она оттачивала свои навыки ловкости и гибкости, прогуливаясь по карнизам и лазая с первого этажа до третьего по кирпичным стенам. Стелла знала, что здесь никто не живёт и стройка никем не охраняется. Поэтому она решила, что сейчас может спрятаться внутри одного из недостроенных зданий. А если вдруг случится так, что в выбранном ею доме кто-то всё же обитает (к примеру, ночуют бездомные), так это Стелле только на руку: если местные бродяги проснутся и поднимут шум, у неё ещё больше шансов появиться выбраться отсюда целой и невредимой.

От осознания возникших перспектив на спасение у девушки даже появились новые силы на бег, – коими она тут же воспользовалась, резко вырвавшись вперёд своего преследователя. Она понимала, что если сейчас израсходует весь свой «беговой резерв», то агрессивно настроенный незнакомец уже очень скоро её настигнет, – тем не менее, теперь это её никоим образом не пугало. Он просто *не успеет* этого сделать, – она знала точно. Мысленно (что скрывать) она считала себя уже спасённой. Немного (правда, совсем немного) смущало Стеллу то, что она некоторое время не появлялась в здешних местах, – не по своей воле, разумеется. Во всём была виновата школа, а заодно с ней и главные её составляющие: неугомонно растущие день ото дня домашние задания.

Ладно, это обстоятельство тоже сильного беспокойства не вызывает. Район с недостроенными зданиями уже давно стоит без каких-либо изменений, а Стеллы здесь не было всего-то с месяц. Что могло поменяться?

Высотки темнели впереди ровными чёрными квадратами окон, на светло-сером фоне бетонных блоков. По-прежнему заброшенные, десятки лет никем не тронутые. Наверняка внутри кто-то есть: Стелла, когда была здесь в последний раз, видела надписи на стенах и битое стекло, и ещё какую-то ветошь на полу. Так или иначе, но другого варианта на ум всё равно не приходило. На улице ни души, да и если бы кто-то вдруг появился... разве имела место быть уверенность, что этот «кто-то» поможет? От такого мордоворота, коим являлся преследователь Стеллы, и взрослому не стыдно убежать.

Завернув за угол одного из ближайших недостроенных домов, Стелла почти без труда (почти, потому как усталость, всё же, уже давала о себе знать), влезла на знакомую ей кирпичную стену и прыгнула вниз, с другой стороны. Хотелось снять юбку и выбросить: юбка мешала, цепляясь за что ни попадя, – но к удивлению и вновь возобновившемуся ужасу Стеллы, преследователь, – которого, кстати, уже давно не было слышно, – вдруг внезапно напомнил о себе.

Она увидела его не сразу, поскольку находилась уже по ту сторону стены, но звук приближающихся шагов был характерным. Наверное, тоже решил выложить свой запас сил в последнем рывке. И если сейчас его «запасы» превысят её...

Надо было слушать мать: та совсем недавно говорила, что не помешало бы дочке завести себе сумочку, в которой можно хранить всякие «дамские штучки». Стелла увидела в этом лишь глупую указку, попытку управлять её действиями, – а стоило бы подумать юной ненавистнице модных «штучек» и о собственных пользе и удобстве, ведь сумочка, вероятно, – прекрасное хранилище для шпилек, перочинных ножики, и всяких там отпугивающих средств-распылителей.

«В следующий раз...»

Отворачиваясь от стены и устремляясь вперёд, – к спасительной темноте ближайшего здания, – Стелла на одну-единственную секунду успела представить себе, как просто было бы вытащить сейчас из-за пазухи газовый или перцовый баллончик...

Её мимолётная фантазия, однако, была прервана весьма грубо: девушка со всего размаху стукнулась лбом об ещё одну кирпичную стену.

Стелла зашипела. Боль огромным тёмно-красным пятном расплылась перед глазами, скрывая окружающее пространство. Как же это всё неожиданно и мерзко. Красное пятно быстро сменилось яркими пульсирующими кругами, – и она ещё несколько секунд вслепую тыкалась в темноте, не видя перед собой абсолютно ничего.

«Чёртова стена... месяц назад тебя не было!»

Стройка пустовала очень долго... и вот, именно сейчас строители решили наконец взяться за недоделанную работу. Как вовремя.

Неторопливые тяжёлые шаги. Казалось, звук их окружает со всех сторон.

– Пошёл вон... – Застонав, Стелла схватилась за макушку, и ещё не совсем хорошо ориентируясь в пространстве попыталась поднять веки, которые, казалось, свело судорогой от боли. – Не подходи... скотина.

Наконец, усилием воли она заставила себя открыть глаза. Сомнений быть не могло: медленно, очень медленно к ней приближался её противник. Огромный и обозлённый, своей широкой спиной он полностью закрывал тот небольшой проход между стен, в который она так неудачно забежала. Проход, в котором не должно было стоять этой дурацкой кирпичной стены. Проход, который стал для неё ловушкой.

Добежала

Да. Впереди только он: только смерть или увечья, а вероятнее и то, и другое. Над головой – тёмное, без единой звёздочки (и без обещанных метеоритов) небо.

Стелла в отчаянии пошарила рукой позади себя в поиске какого-нибудь чуда, которое должно было случиться, раз других способов спасения нет. Ладонь её уткнулась в шершавую прохладную кирпичную стену. Она провела по ней рукой.

Все. На этом её путь окончен.

Казалось бы, кроме дикого страха и отчаяния в такую минуту ничего не могло остаться, – и потому Стелла была немало удивлена, когда обнаружила внутри себя новое чувство. Новое для сегодняшней ночи, но вполне обыденное в её повседневной жизни. Злость, – дикая, всеобъемлющая, всепоглощающая, – начала стремительно разгораться: от головы до кончиков испаранных пальцев. Страх, несмотря на всю безысходность ситуации, прошёл окончательно,

уступил место ярости, – такой живой, такой настоящей, что Стелла почувствовала, будто со стороны, как закричали друг о друга её челюсти.

– Стоять, сука! – Внезапно проорал преследователь. Из рта его брызнула слюна.

Стелла не шевелясь, внимательно наблюдала за ним. Он казался громадным в этом узеньком проулке. Темнота не давала хорошенько различить черт лица, но глаза она видела. Этот неотрывный взгляд был направлен прямо на нее. Этот взгляд говорил о том, что его обладателю доставит искреннее извращенное удовольствие не просто избить её, но *как следует* поиздеваться, прежде чем...

Волна гнева накатила сверху, обжигая. Стелла сжала кулаки так, что суставы хрустнули, а ногти глубоко впились в ладони. Её ответный взгляд засверкал от бешенства.

Почему, почему он выбрал именно её? Почему не распушенную девку, подпирющую по ночам стены? Почему не другую девчонку, – одну из тех, кто вдрызг напивается или принимает наркотики в «Вакханалии»?

Это.

Несправедливо.

Это **ЧЁРТ-ЗНАЕТ-КАК** несправедливо!

Судьба, видимо, благосклонна только к выскочкам, – к наглým, самоуверенным и любящим разврат. Какая-нибудь потаскуха ее лет сейчас спокойно трахается с очередным ухажером, – у себя, или у него в доме. Завтра она будет трахаться с новым недоноском, послезавтра – еще с одним, а через пару лет беспробудных пьяных оргий и купленных фальшивыми улыбками и аккуратно заученными фразами из учебников дипломами, она остепениться, обзаведётся любимой работой, мужем и парочкой детишек. Станет примерной женой и мамочкой, и нужным обществу звеном.

И ЭТО долбанная правда жизни?!!

«А КАК ЖЕ Я?!»

Руки затряслись. Ненависти, подобной этой, ей еще не доводилось испытывать. Даже тогда... даже *тогда* не было так обидно, потому что в *тот* раз она была не подготовлена, а сейчас она бы всё сделала, как следует, если бы только не вмешался этот...

Не просто унижение, боль, и инстинкты, но чёткое и яркое чувство *полнейшего разочарования* в окружающем мире – словно мир не случайно, но по своему собственному плану, попросту использовал её, а затем выбросил за ненадобностью, как половую тряпку. Как мусор.

«Не...»

«НА...»

«ВИ...»

«ЖУ!!!»

Она громко задышала. Всё её тело сотрясало от злобы.

А её будущий убийца, тем временем, подошел ещё на шаг, ближе: она уже могла различить в темноте щетину на его лице, а такжедвигающиеся под покровом щёк вперёд-назад, будто перетирая какую-то пищу, челюсти.

Противная рожа. Упивающаяся чувством своего превосходства, своего выигрыша, мерзкая рожа.

Злость кипела в голове Стеллы, варилась там, словно мифический адский суп. Злость порождала мысли, от которых ей в другой день стало бы дурно. Тем не менее, сейчас она ощущала не дурноту вовсе, но безумное желание вцепиться зубами в эту огромную руку, – руку, что так нарочито медленно и уверенно тянулась к ней.

Откусить её, заставить его...

Страдать...

Кричать...

Разрывать воплями боли тишину этой безмолвной, безразличной ночи.

Понял бы он, каково это – когда твою жизнь, только-только восстановленную, окончательно разрушают за одно короткое мгновение.

Ненавистная рука была совсем рядом. СтеллаФукс будто бы в замедленной съёмке наблюдала её неспешное приближение...

«Я не позволю тебе этого сделать». – Подумала она, бросаясь на него первой.

Что-то пошло не так.

Уши вдруг резко заложило, – словно огромный прозрачный мыльный пузырь неслышно приземлился сверху на голову, а затем накрыл собой окружающее пространство. Все вокруг зависло, замерло, – и так и осталось недвижимым.

Стелла, – плохо пока понимая, что происходит, – смотрела в глаза своего преследователя, в глаза, что находились сейчас в нескольких сантиметрах от её собственных глаз. В них, как в зеркале, отражалось ее собственное удивление. А затем, – всего через секунду, – он исчез без следа.

Он исчез, прихватив с собой... **ВСЁОКРУЖАЮЩЕЕПРОСТРАНСТВО.**

Стелла оказалась совершенно одна, в крошечной темноте, начисто лишенной звуков.

«Куда это чудище делось? Где оно?»

«Может быть, ты, ублюдок, пытаешься высмотреть меня из темноты? Может, ты даже видишь меня и собрался нанести удар первым? Не надейся даже, я так просто не дамся!»

Ощущение неизбежности нависшей угрозы и желание ответить на эту угрозу действием, каким угодно, вывело из ступора. Она изо всех сил ударила куда-то вперед, в темноту, – сначала рукой, а затем следом и ногой.

Но перед ней никто не стоял. От силы своего удара она полетела вперед головой, – и едва успела выставить руку, чтобы не пропахать щекой землю.

Ноздри её, – опущенные сейчас вниз, – не обоняли ни запаха земли, ни запаха асфальта. Запахи *исчезли*.

Несколько секунд она лежала и слушала свое хриплое, испуганное дыхание. В крошечной тьме и в тишине оно казалось ей чужим, словно это не она, но *кто-то* лежал вместе с ней, рядом. И дышал.

*Это наказание тебе, Стелла
наказание за
грехи*

Стелла заставила себя совершить ещё несколько глубоких вдохов. Звук дыхания казался ей по-прежнему чужим, но темп его был таким же точно, как у нее.

«Рядом никого нет. Нужно успокоиться».

Тишина. Ни звука.

Она раньше и не задумывалась, что тишина может звучать – звенеть в ушах.

«Не видно ничего. Хоть глаз выколи».

А если, действительно, кто-то сидит в темноте и наблюдает за ней? Прямо за ее спиной? Или сверху – над ней?

Лицо покрылось испариной ужаса.

«Нет-нет-нет».

«Только не думай об этом».

Не думай

об этом

«Как же, всё-таки, страшно».

В далёком детстве, оставшись одна в темноте, Стелла частенько закрывала глаза, поскольку её богатое воображение имело тенденции создавать из темной тени на полу лужу крови, из шторы у окна – ведьму, или, к примеру, доисторическую хищную птицу. В углах комнаты частенько «прятались» странные существа: как правило, с длинной шерстью и рогами. Эти, последние, – как только замечали, что она их видит, – шли к ней на задних лапах и приближались до тех пор, пока она вновь не закрывала глаза. И тогда они исчезали. Тогда оставалась только спасительная темнота, без всяких силуэтов. И все же, жуткие образы появлялись вновь, – стоило только ей опять осмелиться взглянуть в их сторону. Глядеть на монстров было страшно, но это странно притягивало. И Стелла вынуждена была любоваться ими, потому что ей это было интересно. Кроме того, у неё имелся способ защитить себя. Открыть глаза – означало увидеть опасность лицом к лицу. За закрытыми же веками опасности не было видно, – и тогда эта опасность действительно будто бы переставала существовать.

Но сейчас, в настоящее время (и в этом странном месте, лишённом звуков, запахов и света), – кроме темноты просто не на что было смотреть. Можно не закрывать глаза – это не поможет. И неизвестно, стоит ли радоваться спасению от преследователя, – либо пора начинать бояться кого-то, или чего-то куда более жуткого...

Глава 2. Номер 523

Перед лицом возник яркий свет. Стелла дернулась и зажмурилась от яркой вспышки. «Спасение, пусть это будет спасение». – Только и успела подумать она прежде, чем вновь осторожно открыть глаза.

Увиденное заставило открыть их ещё шире.

Пещера. Небольшая каменная пещерная зала, наполненная сумраком, подсвечивается светом солнца, пробивающимся в это место сверху, сквозь круглое отверстие в низком своде.

Стелла настороженно огляделась. Пожалуй, ей стоит порадоваться, что рядом нет того мордоворота, что преследовал ее несколько минут назад, но абсурдность ситуации вызывает пока лишь недоумение.

Она сглотнула слюну и мгновенно подавилась: спазм сжал пересохшее горло. Она развернула обе руки ладонями к себе и посмотрела на них. Кисти были сильно исцарапаны. Осторожно прикоснувшись ко лбу, она почувствовала резкую боль.

Значит, ночная погоня не приснилась. Она действительно несколько секунд назад стояла у кирпичной стены, а напротив нее стоял ее предполагаемый убийца.

Стелла ещё раз оглянулась вокруг себя.

Кажется, эта пещера была местом посещаемым. Здесь отсутствовало то, что обычно встречается внутри диких, необитаемых пещер: не было грязи, запаха сырости, толстого слоя известнякового налёта на стенах. А ещё, ни одна летучая мышь (коих, по слухам, в пещерах обитает с избытком) еще не прилетела Стелле в лицо.

Она осторожно поднялась на ноги. Дно пещеры было гладким и прохладным, тонкий слой пыли мягко зашуршал под её голыми ступнями. Теперь перед ней темнела, уходя от основного зала вглубь, каменная галерея. Внутри галереи было действительно очень темно. Куда приятней находиться рядом со светом, льющим сверху из отверстия в своде, и Стелла шагнула к нему. Дыра сверху являлась достаточно широкой, чтобы столп света освещал всю пещеру едва ли не целиком. Можно было различить мелкие фракции пещерной пыли, кружащиеся в воздухе и мелко искрящиеся золотым. Взгляд Стеллы опустился к стене прямо напротив луча. Судя по темноте, которую она там увидела, у дальней стены располагался то ли ещё один проход, то ли крупная ниша: свет частично попадал на то место, но не освещал его полностью. Кое-что (что-то странное), чего Стелла поначалу не заметила, – внезапно дошло до неё. Берущая начало из темноты предполагаемой ниши, на каменный пол основной пещеры падала некая неясная расплывчатая тень, очертаниями похожая на силуэт, отбрасываемый деревом с густой кроной. При этом, *внутри* ниши никакого дерева не находилось – определённо. Даже если бы оно там стояло, то для того, чтобы от него вперёд падала тень, необходимо было бы, чтобы свет лился прямо оттуда, – из того места, где было темно, – а не сверху, с потолка основной пещеры.

– Здравствуй, избранная. Я приветствую тебя.

Стеллу словно пронзило насквозь электрическим разрядом. Она резко повернулась и увидела позади себя очень высокую женщину. У незнакомки было спокойное, слегка вытянутое и, надо заметить, весьма приятное лицо. Белые волосы аккуратно заплетены в толстую прямую косу, достигающую до колен. Наряд: какое-то старомодное закрытое платье в пол, с длинными рукавами, – являлся настолько белоснежным, что, казалось, пошит был из ткани, пропитанной светом.

«Откуда она взялась?»

Сверкнув светло-серыми, очень светлыми глазами, женщина заявила:

– Избранная, ты похожа на одного моего давнего знакомого. Когда мы с ним встретились впервые, он был ещё совсем котёнком, и у него были такие же огромные зелёные глаза. Он

так же, как и ты, готов был наброситься на меня и атаковать. Сейчас глаза у него стали золотистыми, а повадки – не столь дикими.

– Что ещё за намёки? – Напряженно спросила Стелла, убирая волосы подальше от лица. Конечно, спору нет, видеть перед собой красивую женщину ей понравилось гораздо больше, нежели лицезреть огромного, агрессивно настроенного громилу, чья слюна, – в те секунды, когда он в бешенстве плевался, – попадала ей на нос и брови, но все же...

Вся эта ситуация, – в которой она оказалась, – по-прежнему оставалась чересчур странной.

Женщина аккуратно прошла мимо, не глядя на неё. Стелла напряжённо разглядывала незнакомку, в любую секунду ожидая подвоха. Когда та оказалась достаточно близко, она поняла, что у женщины непропорционально длинные ноги – гораздо длиннее, чем у любого человека, которого Стелла когда-либо встречала в своей жизни.

Она живёт здесь, что ли?

Женщина остановилась и принялась внимательно разглядывать её. Стелле это не понравилось.

– Что? Зачем так смотрите?

– Прости. Понимаю, это выглядит невежливо, но я лишь хотела познакомиться с твоей внешностью. – Всё тем же мягким тоном, что и минутой ранее, произнесла длинноногая.

Стелла впала от этой фразы в ступор – правда, быстро из этого состояния вышла.

– Мой вопрос тоже не очень вежливый, – стараясь изо всех сил, чтобы голос её звучал достаточно строго, выпалила она, – но можно мне узнать, кто вы такая? И как я сюда попала?

Обитательница пещеры, казалось, призадумалась. Затем она облокотилась (это в своём-то белоснежном наряде) о дальний свод пещеры, и с мечтательным видом уставилась в отверстие, через которое внутрь попадал свет. Плавными движениями женщина сложила руки у груди, не переkreшивая. Улыбнулась.

«Блаженная». – Подумала Стелла, и ей стало вдвойне не по себе. Её что же, обездвижили и выкрали последователи какой-то религиозной секты? А тот маньяк был их...

– Рада бы я ответить на твой вопрос, дорогая, я имею ввиду твой *первый* вопрос, но вынуждена отметить некоторую особенность моего мировосприятия: дело в том, что я сама уже не знаю, кто я есть на самом деле. Поначалу, едва попав в этот мир, я рассуждала об этом долгими годами, но так и не пришла к однозначному ответу. Определённо могу заметить только...

«Я ведь не принимала ничего запрещённого. – Думала тем временем Стелла, в зарождающейся панике начиная терзать свои волосы. – Вроде бы нет. Для того, чтобы накуриться до галлюцинаций, или съесть что-нибудь *такое*, нужно однозначно быть знакомым с теми, кто всё это продаёт. А у меня из знакомых подходит только врач – со своей лысиной, валерианой, шалфеем и зверобоем. И его таблетки я не ем. Правда, сегодня я пила у него в кабинете воду. Вода была прозрачная. Не мог же он, в самом деле...»

– ...временной промежуток, необходимый для разоблачения подобных догадок, может в конечном итоге растянуться по крайней мере не на один день. Боюсь, мы с тобой пока не владем таким большим количеством времени и душевных сил. Возможно, когда-нибудь мы вместе сможем обсудить, кто мы есть на самом деле, я и ты, но это будет позже, не сейчас. Пока считай меня таким же пришельцем из иного мира, каким являешься ты. Согласна?

Женщина с белыми волосами чуть виновато улыбнулась.

под кайфом что ли

Стелла закусила губу, одновременно раздумывая, как лучше себя вести в подобной ситуации.

– Вы хотя бы можете объяснить, как я *здесь*, – она обвела взглядом пространство вокруг, – оказалась?

– Вопрос твой мне ясен, и вопрос этот справедлив, но вот ответ, боюсь, покажется поначалу не очень правдоподобным. Тем не менее, будь уверена: всё, что я произнесу сейчас – истинная правда.

«Хорошо бы это действительно оказалось истиной, а не следствием наркотического бреда». – Внутренне взмолилась Стелла.

– Высшая Сила возжелала видеть тебя. Именно с её помощью ты переместилась сюда, и произошло это в момент твоего наивысшего эмоционального извержения. Мир, в который ты перенеслась, несколько отличается от того мира, в котором ты привыкла жить, однако, со временем ты освоишься в *этом* мире, и именно *он* станет тебе родным. Не бойся той неизвестности, что окружает. Неизвестность не враг, но начало нового пути.

– Что?

Стелла смотрела прямоком в светло-серые глаза напротив, пытаясь трезво оценить состояние умственного здоровья говорившей. Кажется, слабые надежды Стеллы на то, что женщина с длинными ногами находится в здравом рассудке, не оправдывались. Похожа ли длинноногая красавица на человека, употребляющего наркотики достаточно длительный период времени, чтобы мозг в конце деградировал? Почему нет, собственно говоря. Внешность у неё необычная, она вполне может быть одной из тех одарённых природой особ, которых фотографируют для журналов мод. Насколько Стелла была наслышана из рассказов собственной матери, старающейся уберечь свою дочь от подобной участи, а потому частенько рассказывающей ей то, что, возможно, рассказывать, согласно школьных канонов, и не следовало бы, – девушки и женщины подобной профессии нередко являлись «заложницами» различных наркотических препаратов. Не все, но многие.

«В наше время, время призывов снятия всех ограничений, это особо развито и доступно. – Прибавляла мать. – И не только для моделей журналов и актрис, но и для людей менее известных, вроде меня, или тебя. Ты главное помни, Эстель, что любое запретное удовольствие влечёт за собой всяческие неприятные последствия, а что касемо наркотиков, то в конечном итоге это никогда ничем хорошим не заканчивается. У нас в галерее висят десятки полотен, чьи создатели уже умерли. Некоторым из них не исполнилось и двадцати, и доходов от своих картин, и похвалы своим творениям этим людям ни увидеть, ни услышать уже не суждено».

Станным, правда странным и не вписывающимся в представления Стеллы был тот факт, что женщина, с которой она пыталась сейчас общаться, решила заняться запрещённым действием не на какой-то званой вечеринке в среде себе подобных, но в обычной пыльной безлюдной пещере. Почему здесь? Впрочем, можно допустить, что эта женщина – исключение из правил. Гипотетически она вполне могла, руководствуясь собственным мотивам, принимать будоражащие психику вещества в полутёмных закоулках подземных лазов. Да, странно, что вот так: без музыки, без выпивки, без мужчин и других женщин вокруг, – но в этом, если призадуматься, не было ничего *потустороннего*. Может быть, эта длинноногая красавица являлась чьей-то музой, либо сама шила или рисовала, а в пещере просто искала вдохновения для создания какой-нибудь сумасшедшей картины – как, например, те художники из галереи, где работала мать Стеллы? Отлично, пусть так, но что тогда, в таком случае, в пещере делает сама Стелла? В том городе, где она жила, даже холмов поблизости не было, а значит, её куда-то увезли, – и увезли далеко, судя по всему.

«А может, никуда не увозили, и я всё-таки *сама* сейчас нахожусь под действием наркотика, но... чушь какая. Кто мог меня ими накачать? Не родители же за обеденным столом это сделали!»

Допустим, её всё же опоил собственный лечащий врач (рассматривать нужно любые варианты, даже самые абсурдные, вдруг он маньяк, или инопланетянин, чёрт бы их побрал). К примеру, он опоил её, заставил своего подельника поймать её ночью, и теперь, вместе с прочими жертвами, наспигованными наркотиками, она находится в каком-то подвале?

Тем временем, женщина в белых одеждах решила прервать затянувшиеся размышления Стеллы и, пользуясь замешательством собеседницы, продолжила:

– Далеко не впервые я встречаю избранного.

А вот это словосочетание Стелле совсем не понравилось. «Не впервые» означать могло то, что «избранными» зовутся в этой пещере те, кого укокошивают в первую очередь. Это дрянное развитие событий, скверное.

– Не впервые, и всё же, мне каждый раз не достаёт красноречия для того, чтобы полно и доступно поведать каждому отдельному новоприбывшему обо всех особенностях изменения мира вокруг... Расскажи, дорогая, какие чувства ты сейчас испытываешь?

Обращение к ней напрямую (да ещё и такими высокопарными словами, при том, что голос женщины не дрожал, глаза не слезились, руки не тряслись, да и вообще, она выглядела на удивление совершенно *здоровой*) заставило Стеллу волей-неволей отвлечься от своих прошлых мыслей. Она как могла внимательно осмотрела ещё раз – и женщину, и пещеру. Возможно, стоит ей составить ещё одну гипотезу. Предположить, что перед ней стоит сейчас не реальное живое существо, но плод её сонного воображения? Другими словами, существует возможность того, что Стелле всё-таки снится то, что с ней сейчас происходит. А если допустить, что это сон, получается, она заснула прямо под носом у огромного мужчины, вначале гнавшегося за ней через полгорода, а после намеревающегося её убить. Но... как можно заснуть в подобной ситуации? Только если от усталости. И какая же должна быть усталость у человека, чтобы он захотел спать в присутствии взбудораженного жаждой преследования маньяка? Маловероятно и то, что случился обморок, ведь Стелла не была склонна к обморокам. Или, всё-таки, была? Если представить, что она заснула или упала в обморок, переходящий в сон, – почему же тогда никто ещё не привёл её в сознание жутким ударом по лицу или по почкам? Он ведь *хотел* её убить!

Разгадка возникла в голове довольно быстро. Стелла читала где-то о том, что во сне время идёт иногда совсем не так, как наяву. Час во сне, сутки, и даже год, – вполне могли равняться паре секунд в настоящем времени. И в таком случае, – если догадки Стеллы верны, – ей оставалось теперь только и делать, что ждать жуткого болезненного пробуждения, которое вот-вот должно было наступить.

Ладони вмиг вспотели. Вот ведь скверная догадка. Зачем она об этом подумала!

Так, ладно. А почему сон настолько реальный? До того реальный, что даже ссадины на коленках, лбу и ладонях невыносимо щиплет от выступившего пота?

– Это что, розыгрыш такой? – Резко выдохнула Стелла, осенённая очередной версией происходящего. – Как называется место, куда я попала? Как я вообще сюда попала? Хотя бы город назовите, вы ведь местная, кажется.

– Как я тебе уже говорила ранее, ты находишься в ином мире. – Спокойно ответила женщина в белом. – Можешь назвать это Параллельной Вселенной, избранная, если тебе подобное выражение удобнее для понимания происходящего.

Ничего не значащие ответы заставляли недоумевать и злиться всё больше. Стелла при всём желании не могла верить этой странной женщине (хотя, признаться, после такой жуткой изматывающей ночи, как сегодняшняя, ей бы очень этого хотелось).

– Хватит. – Стараясь говорить спокойно, произнесла она. – Ваши подколки сейчас совершенно не к месту. Повеселились, и ладно. Быстро говорите, где я нахожусь.

**«Она только что ответила тебе, избранная.
Внимай сказанному и не противься».**

Скрипучий старческий мужской голос раздался прямо в её голове. И это не был тот голос, который она обычно *привыкла* там слышать.

– Да что это?! – Закричала Стелла, сжимая руки в кулаки.

К глазам подступили слёзы. Это уж слишком. Она сильная, сильная, но это – явный перебор. Неужели наступил тот день, когда она всё-таки не выдержала и сошла с ума? Не спрашивалась с тем, что на неё обрушилось? В самом расцвете юности, за одну ночь превратилась в сумасшедшую?

Вся жизнь – испытание. А в конце тебя ждёт лишь одно разочарование. Так?
ТАК?!!

«Прости, дитя, я напугал тебя. – Голос, как ни в чём не бывало, продолжал звучать тем же образом, внутри головы. – Мои предыдущие перерождения уже много веков назад утратили способность беседовать, используя для этого голосовые связки. Иные способы общения, помимо того, что я использую сейчас, недоступны для моей нынешней формы. Прошу, не беспокойся из-за данного обстоятельства. Я не намерен читать твоих мыслей, но желаю лишь передать тебе часть своих. Ты, избранная, можешь общаться со мной при помощи тех средств, что удобны и привычны для тебя».

Стелла теперь окончательно уверилась в том, что тронулась умом. Было жутко осознавать это. Это было настоящей катастрофой. Одно дело слышать и видеть призрачных существ в шесть лет. Совершенно другой смысл эти видения приобретают, когда тебе исполняется шестнадцать с половиной.

– Быть не может. – Она завертела головой, хватаясь за виски. – Такого не бывает.

«Требуешь доказательств». – Утверждающе произнёс голос.

Внезапно послышались тихие (и этим особенно ужасные) шаги из тёмной ниши – той самой, из которой на пол пещеры падала напоминающая дерево тень. Здравый смысл Стеллы буквально «взорвался» от всей глубины нелепости происходящего. Существо же, тем временем, медленно и неумолимо (почти так же, как маньяк, недавно преследовавший её), несмотря даже на то, что этого просто *Не-Могло-Быть*, приближалось к ней. Стелла не имела сил оторвать взгляд, будто окаменела. Скомандуй она *сейчас* своим ногам бежать, навряд ли они сдвинулись бы с места хоть на сантиметр.

Странное создание, тихонько шурша пещерной пылью, постепенно выбралось из своей ниши. А когда оно показалось на свет полностью, – девушка не закричала: нет, вместо этого она начала усиленно тереть глаза.

Поначалу она подумала, что появление неизвестной сущности (или же ранее принятых наркотических препаратов) что-то совершили с её зрением, поскольку она не могла чётко разглядеть то, что стояло перед ней. Оно было всё как будто затянуто плотным облаком дыма, либо тумана. Не ясно, присутствовали ли у существа ноги, руки, голова. Оно походило на какую-то странную иллюзию, муть, возникшую, – будто пятно на фотокарточке, – посреди чёткой картины окружающего пространства. Когда необычное создание, наконец, замерло на месте, глаза Стеллы начали понемногу различать отдельные детали его внешности, периодически прогля-

дывающие сквозь ступки окружающей его смазанной завесы. Судя по некоторым признакам, оно было человекоподобным, но...

Но в то же время оно будто бы было единым целым с деревом, словно это дерево *проросло* прямо в человеческом теле.

Стелла как-то раз видела нечто подобное, – в детстве. Примерно так же выглядели две картинки из полупрозрачной бумаги: два разных изображения, наложенные одно на другое. Рассудок её упорно отказывался воспринимать увиденное.

– Верь тому, что видишь. – Раздался вдруг над ухом голос длинноногой женщины.

Бред?

Сон?

Обморок?

...во сне ли, наяву ли, но находясь в любом из этих состояний, Стелла, кажется, до одури боялась оживших теней, надвигающихся на неё. Страх этот оказался ненамного слабее страха вероятности быть пойманной и покалеченной огромным верзилкой с маниакальным выражением лица. Решение пришло совершенно внезапно, будто разум вдруг дал ей хорошую «оплеуху». Почти коснувшись при развороте кончиками волос к приближающейся к ней субстанции, – она побежала, что есть сил, в сторону тёмной, уходящей вглубь пещеры галереи.

«попробуйте теперь поймать... не догоните ...чудовища...»

Поверхность под ногами была ровной, твёрдой, бежать оказалось очень легко. Где-то там, недалеко, в конце тоннеля, призывно загорелось пятно яркого света.

«Это не тупик!» – Возликовала Стелла.

Галерея, вначале тёмная, постепенно расширялась, становилась освещённой солнечными лучами. Они всё в большем и большем количестве пробивались сквозь щели в сводах. Это был выход, свет поверхности, возможность узнать, наконец, где именно расположено то место, в котором Стелла очутилась. Она готова была закричать от восторга. Кем бы ни были эти странные существа из пещеры: плодом ли её заражённой наркотическими препаратами фантазии, актёрами ли, разыгрывающими её, или существами, которые ей просто снились, – она не позволит им вот так просто захватить себя и позволить делать с собой всё, что им вздумается. Просвет становился всё больше, всё шире, – и вот, наконец, она выскочила из пещеры...

- A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A-A!!!!!!

Стелла едва не оглохла от собственного крика. Это не был крик боли или радости. Это был визг ужаса и удивления одновременно.

На выходе её уже поджидала та самая женщина, в белых одеждах, с длинными ногами, – одно из тех двух непонятных созданий, от которых она только что с таким упорством спасалась бегством. Стелла врезалась в неё с разбега, со всей силы, но женщина даже не шатнулась, да ещё и умудрилась крепко ухватить её руками за плечи.

– Опасность тебе больше не угрожает. – Голос женщины был настойчив и всё так же тих и спокоен, как минуту назад, будто они вдвоём не преодолели только что сотню или две метров, но продолжали вместо этого мило беседовать в той самой пещере, с которой всё началось.

Стелла была растеряна окончательно. Её переполняли самые различные эмоции. Одна из них, правда, была пронзительней прочих.

– Отпустите меня!!!

В тот же миг она почувствовала, как сильные (как оказалось) руки отпускают её плечи.

– Как у вас получилось обогнать меня в этом чёртовом бальном платье?! – Не могла успокоиться Стелла, резко отпрыгивая от женщины, не находя в себе сил коснуться её ещё раз. – Как вы оказались здесь раньше меня?!

Женщина в белом осторожно начала расправлять рукава своего одеяния. Лицо её выглядело слишком умиротворённым для человека, только что пробежавшего приличное расстояние.

ние. Так же не было похоже, чтобы та одежда, что была на ней сейчас, хотя бы раз участвовала в действе, что зовётся бегом: подол платья только что не искрился чистотой.

Странная женщина смотрела Стелле в лицо. Улыбалась. Опять.

– Я не человек, дорогая. И я использовала свою особую Силу, и поэтому сумела тебя обогнать.

– Бред какой-то. – Раздосадовано отозвалась Стелла, дёрнув головой из стороны в сторону. – Вы издеваетесь надо мной, вот и всё. Здорово вы тут всё подстроили, особенно с этой говорящей серой массой, похожей на дерево, но я не верю ни единому вашему слову, так что можете больше не стараться.

Продолжая улыбаться, женщина склонила голову и протянула ей руку.

– Попробуй довериться своим ощущениям. Когда наступает тот момент, когда мы не знаем, чему верить и как поступить, нам остаётся лишь одно: прислушаться к самим себе, поискать ответ внутри. Понимание происходящего после этого произойдёт само собой.

– Да-да, конечно, я вас забыла спросить, что мне делать.

Стелла отвернулась от руки и обречённо посмотрела на выход из пещеры. Там было видно небо.

«Ладно. – Подумала она. – В конце концов, я наконец увижу, где я».

От входа уходил куда-то вдаль протяжённый скальный выступ. Прямота линий этого выступа зародила в мыслях Стеллы догадки, о которых она задумалась только сейчас. В волнительном предчувствии она устремилась в то место, – на самую оконечность скалы. Она не смотрела по сторонам. Все её мысли заняты были тем, чтобы сдержать желание ещё раз закричать. Каждый её шаг отдавался в голове гулким шумом. Дыхание перехватывало всякий раз, когда её обнажённая ступня касалась каменной поверхности.

тебе страшно

«Конечно, мне страшно. Никогда в жизни не было так страшно».

Наконец, она добралась до самого края и...

Реальность превзошла все ожидания. Пещера располагалась (и теперь это стало очевидным, ибо она видела это собственными глазами) не внутри какого-то там холма, но на вершине умопомрачительного многоярусного *горного массива*. Перед Стеллой простиралась самая настоящая горная долина – огромная, освещённая светом закатного солнца. Пропасть находилась прямо под ногами.

С безумно колотящимся сердцем Стелла продолжала внимательно разглядывать тот пейзаж, что видела перед собой. Гора с пещерой приходилась самой высокой точкой многоуровневого хребта, являющегося одной из сторон, формирующих долину. Левая (ближняя) оконечность её упиралась в опушку кажущегося бескрайним леса. Правая терялась где-то вдалеке – там постепенно теряя высоту и превращаясь в равнину. Формируя противоположную сторону долины, напротив того хребта, на вершине которого стояла сейчас Стелла, располагался другой хребет, в несколько раз ниже и гораздо менее протяжённый. Второй хребет также упирался в лес. С противоположной лесу стороны обе горных гряды являли собой завершение долины, почти соединяясь в том месте и оставляя меж собой кажущийся отсюда, сверху, очень узким проход. Слева лес зелёным океаном уходил куда-то за пределы видимости. Справа, с западной стороны, вдалеке, – там, где небо сливалось с землёй, – в свете постепенно уходящего солнца проступали очертания других далёких вершин. Острые «шипы» их, казалось, буквально впились в полотно закатного неба. От далёких вершин на горизонте, тот «браслет» гор, в котором находилась сейчас Стелла, отделяла широчайшая зелёная равнина, заполненная реками, озёрами, зелёными холмами, – что перемежались невысокими (относительно этой) горными системами.

Стелла стояла и молча восхищалась тем, что видела.

«Если это и правда сон, – думала она в эти минуты, – то я ещё долго не хочу просыпаться».

Сердце её громко колотилось от осознания видения перед собой такой красоты и величия природы. Отвлечь её от этого естественного гипноза сумел резкий и мощный порыв ветра, внезапно всколыхнувший её волосы и заставший покачнуться. До слуха девушки, – враз вернув её в покинувшее её до сих пор состояние страха и потерянности, – донёсся звук, исходящий откуда-то снизу, прямо из-под той скалы, на оконечности которой она сейчас стояла. Покуда Стелла осторожно приближалась к самому краю обрыва, чтобы узнать, что это такое, звук, медленно нарастая (будто из ушей Стеллы кто-то постепенно вытаскивал заглушки) набирал силу. И вот, наконец, из-под выступа показался источник шума – ручей, широкий полноводный, почти река. Его русло, насколько было видно глазу, плавно огибало гору и уходило во внутренний распадок меж скал, оканчивающийся, видимо, где-то в лесу.

Стелла отошла на несколько шагов от пропасти, недоверчиво глядя вниз. Затем она ещё раз посмотрела на спускающееся вниз к линии горизонта оранжевое солнце, потом на небо, по которому, подобно птицам в диковинном саду, разбросали свои яркие розовато-красные перья облака.

«Как же это красиво».

Стелла вдохнула в легкие побольше воздуха.

Пора

Оторвав взгляд от перисто-кучевых облаков, Стелла вновь устремила к краю обрыва.

Шаги.

Один.

Два.

Три...

Если бы кто-то прямо сейчас спросил её об этом, Стелла определенно смогла бы внятно ответить на вопрос, зачем ей понадобилось прыгать с крутого обрыва в бурлящий горный ручей. Этот её поступок совсем не был связан с желанием убить себя, или же доказать свое превосходство (в своей неприкосновенности она с недавних пор начала очень сильно сомневаться). Дело в том, что это действие: прыжок вниз, – показалось ей наиболее естественным способом доказать самой себе то, что происходящее с ней в данный момент не более, чем фантазия. Она прекрасно понимала: если в сновидении совершить «мнимое» самоубийство – это не приведёт ни к каким болезненным последствиям наяву. И если происходящее и правда являлось всего лишь сном (а она почти наверняка, даже несмотря на кажущуюся нерушимой реальность ощущений, была в этом уверена), Стелла должна была уже через секунду после совершения прыжка проснуться: либо в своей комнате, либо (что гораздо, гораздо хуже) в тупике стройки – избитая и покалеченная. Последний вариант даже представить было страшно. И всё же, случись даже это, – непоправимое, страшное, – по крайней мере, она бы находилась уже не во власти обманчиво-прекрасных иллюзий, но осознавала, что перед ней не вымысел.

Итак...

Стелла летела. Точнее – падала вниз. Тело, – несмотря на мысли о том, что всё вокруг лишь мираж, – оцепенело съёжилось в ожидании удара о водную поверхность. Вода приближалась.

«Ну же, скорее...»

Несколько секунд головокружительного полёта, – и кожу на руках и ногах обожгло ударом. Стелла вскрикнула от боли, одновременно с головой погружаясь в водный поток. Вода, холодная, леденяще холодная, мгновенно заполнила рот и ноздри. В панике, отплёвываясь, она всплыла на поверхность, – и течение разом подхватило её, унося следом за собой. Стелла отчаянно пыталась вдохнуть воздух, стараясь при этом поднять лицо как можно выше вверх. Перед глазами её с молниеносной скоростью проносились нависшие с двух сторон отвесные скалы. Валы, один выше другого, то и дело окатывали, накрывая с головой.

«Только бы не захлебнуться...»

Внезапно коленка врезалась во что-то под водой, – и Стелла вновь вскрикнула. Рот тут же заполнился очередной порцией жидкости, хоть и от прежней хотелось кашлять, что есть сил. Очередной вал накрыл её. И опять кругом одна вода – её шум, её душащий холод.

«... пузыри... пена... слишком быстро!»

Течение, казалось, стало ещё сильнее, – и неожиданно Стелла почувствовала, как ее тело стремительно падает вниз.

«Только не это...»

Пара секунд ощущения полёта, – и она упала в бурлящую пузырящуюся толщу, а затем её придавило мощным потоком сверху.

Громкий шум. Булькающие звуки вокруг. Давления сверху больше нет.

Она очутилась в царстве пузырей воздуха. Они хаотично двигались вокруг, шуршали у раковин ушей, – подобные стае голодных кровососущих насекомых. Стелла вытянула руки вперёд, растопырив пальцы, – и водяной поток, помогая ей, сам вытолкнул её на поверхность. Вынырнув наружу, она на один, слишком краткий миг почувствовала поддержку от стихии, – и сразу же попыталась глотнуть кислорода, но недремлющее течение сразу подхватило её и понесло, в очередной раз погружая с головой в вал.

«Пожалуйста...»

И вдруг, будто услышав её, течение чудовищной силы стало слабее, слабее.

Медленней. Ещё медленнее.

Стелла, – которая именно сейчас, в эти самые секунды, могла бы при желании воспользоваться моментом и попытаться подплыть ближе к берегу, – всё же замешкалась. Обессиленная, подталкиваемая слабеющим донным течением, она снова ударилась о подводный камень, на сей раз другой коленкой. Затем ударила лодыжку. А после она увидела вдруг прямо перед собой длинный, окатанный водой ствол дерева, перекрывающий собой треть русла реки. Стелла не успела ни о чём как следует подумать, как водный поток, казавшийся до этого момента почти недвижимым, с неожиданной мощью набросил ее на этот ствол.

Резкая боль пронзила ребра. Глаза, правда, едва не вылезли из орбит, а легкие сдавило, точно тисками. Течение буквально повесило её на дерево, – словно хотело расплющить, – а после начало с силой придавливать к нему, как будто наматывая.

HEEEET!!!

Слишком реально

Слишком

Слишком

Прекрати это!!!

Забыв о том, как дышать, и думая лишь о единственном шансе на спасение, Стелла с огромным трудом, напрягая каждый свой сустав, каждую свою мышцу, принялась продвигаться вдоль ствола. Медленно, недопустимо медленно она ползла по бревну, срывая попутно ногти и сцарапывая на руках кожу. Перемещение на сушу заняло, казалось, несколько часов

(на самом-то деле, наверняка прошло менее минуты – вряд ли она смогла бы продержаться под напором течения дольше), однако для Стеллы время замедлилось: секунды превращаются в часы, когда испытываешь жуткую боль и осознаёшь невозможность из-за этой боли совершить хотя бы один нормальный вдох.

Вот, наконец-то, твердая поверхность. Стелла застонала, уткнувшись лицом в землю. Резкий, болезненный приступ кашля не дал ей вдоволь порадоваться приобретённой свободе. Она кашляла, наверное, целую вечность. Тело сводило изматывающей судорогой, а изо рта и носа непрерывно текла вода. Наконец, когда сил не осталось даже на кашель, она кое-как перевернулась на спину и с трудом открыла глаза. Сверху, в нескольких метрах над её головой, склонились, – переплетаясь меж собой, – изогнутые ветви деревьев с зелеными листьями. Листья подсвечивались светом солнца, и потому выглядели полупрозрачными. Стелле показалось (наверняка это была галлюцинация), будто она слышит откуда-то издалека нечто, напоминающее музыку.

«Надо бы проверить, – все ли кости целы». – Подумала она.

Приподнявшись, Стелла начала потихоньку ощупывать себя. Каждое движение причиняло боль голове. Преодолев очередную вспышку боли где-то над переносицей, она опустила глаза вниз, воочию оценивая ущерб, нанесённый своему телу и своей одежде. Её внешний вид, что и говорить, представлял сейчас удручающее зрелище. Волосы спутались, и в них застряли частички земли. Шёлковая блузка изорвалась окончательно: все швы разошлись до основания, и на теле оставалось висеть лишь несколько лоскутов ткани. Разорванная снизу до пояса юбка двумя половинками плотно оплетала ноги.

Стелла хмыкнула. Именно здесь, измазанная в земле, в разорванной одежде, с хриплым дыханием, с болью в груди и в голове, – Стелла начала осознавать: все то, что с ней произошло только что, не снится ей. Те странные существа, что так напугали её, – кажется, и они реальны. И этот мир – он весь реален. Так же реален, как и тот факт, что Стелле чудом удалось избежать гибели – уже два раза подряд за один день.

– Спасибо. – Прошептала она, ложась обратно на землю и глядя на чуть покачивающиеся, освещённые солнечными лучами зелёные листья. – Чем бы ты ни было, спасибо тебе.

А теперь она хотела отдохнуть. Полежать немного с открытыми глазами. Замереть.

На ногах и руках в нескольких местах кровоточили на поверхности кожи трещины. Они все опухли и побаливали. Оставалось лишь надеяться на то, что пострадала только кожа. В предвкушении жуткой боли в ушибленных, расцарапанных (и, возможно, всё-таки сломанных) конечностях, – Стелла ещё через какое-то время предприняла неуверенную попытку встать.

Вопреки опасениям, она довольно легко поднялась. Ноги в местах ушибов заболели сильнее, но не настолько, чтобы появился повод опасаться за их целостность. Так что идти Стелла могла. Мешал, правда, возобновившийся кашель (она подумала, что он наверняка выдаст, когда её начнут искать). Она несколько метров прошла, поначалу сильно ссутулившись, – но затем выпрямилась и оглянулась вокруг.

Несмотря на все пережитое, некая эйфория, связанная с чудесным спасением, видимо, ещё до конца не отпустила. Стелла испытывала весьма странные чувства. Она смотрела и осознавала, как никогда раньше, что природа вокруг неё *жива* – так же, как жива и *она сама*. Под ногами стелился ковёр молодой травы салатного цвета, слегка прохладный и приятный для стоп. Кроны деревьев были похожи на покрытые нежно-зелёной тканью крыши летних садовых шатров (родители иногда устраивали пикники в таких, когда Стелла была ещё достаточно наивна, чтобы радоваться этому). Горный ручей вымыл почву из-под одного из дере-

вьев, что росло на самом краю берега, и оголённые извилистые корни этого дерева, будто наглядное доказательство того, что дерево настоящее, – торчали сейчас на поверхности. Кристально-чистая вода мелодично журчала в своем русле и переливалась сквозь корни. На траве, то тут, то там, лежали куски обломанных веток.

Эйфория внезапно отпустила, и Стелла внимательно пригляделась к разбросанным частям дерева. Далеко не все ветки выглядели гнилыми или высохшими. Некоторые определенно были кем-то выломаны, причем, судя по их внешнему состоянию, не так давно.

*Интересно
И кто это сделал?*

Размышления о том, что это мог быть за зверь, оборвались, не успев начаться: звонкое птичье пение послышалось откуда-то слева, и Стелла незамедлительно повернулась к его источнику. На одной из низко растущих ветвей ближайшего к ней «дерева-шатра» сидела небольшая (всего в два или в три раза крупнее воробья) птица, и издавала она звуки, отдалённо напоминающие звучание какого-то музыкального инструмента – возможно, флейты или свирели, Стелла точно не помнила. В своё время девочка занималась пианино и немного роялем, – в общем, клавишными, а не духовыми, да и то было очень давно. Она подошла на шаг ближе к дереву.

Угольно-чёрное оперение. Тонкие, но при этом крепкие чёрные лапки. Морковного цвета клюв. И в завершении – два кольца ярко-жёлтых перьев, окружающих чёрные блестящие любопытные глаза. Сомнений не было: на ветке сидит чёрный дрозд. Стелла приблизилась еще на шаг, от удивления забыв даже про свой пресловутый кашель. Дрозды – птицы не то, чтобы сильно редкие, но лично ей никогда не доводилось видеть их так близко. Дрозд на время замолк, повернул голову набок, поглядел на неё, а после начал вдруг пронзительно трещать, – словно ухохатываясь над странным человеком в нелепом наряде.

– Ты в своём уме? – Обратилась Стелла к птице. – Меня же из-за тебя поймают!

Дрозд замолчал. Замер. После, резко дернувшись всем тельцем, спорхнул с ветки и улетел прочь – в лесную чащу (что и следовало ожидать).

Произошедшее заставило Стеллу вспомнить о том, что надо бы вести себя осторожнее: неизвестно кто, помимо певчих птиц, может услышать её бурные возгласы. Да и вообще, ей самой тоже совсем не помешало бы куда-нибудь если не улететь, то хотя бы уйти: в конце концов, ночевать в лесу практически без одежды, наверное, далеко не лучший из вариантов завершения дня. Сейчас тело её, – поначалу разгорячённое переизбытком эмоций и недавней борьбой за свою жизнь, – уже начинало постепенно остывать. Совсем невесело будет в этом лесу, когда окончательно стемнеет. Она ведь может замёрзнуть насмерть – непонятно, какие здесь, в предгорье, ночные перепады температур. Совершенно некстати напомнила о себе и боль в ребрах от недавнего удара о бревно. Пора двигаться даль...

– Ах, вот ты где!

Стеллу передернуло. Это был голос той женщины – из пещеры. Игнорируя боль в рёбрах и конечностях, она попыталась бежать вперед, – но внезапно враз потеряла способность двигаться. Тело словно опоясали невидимые путы, и лишь какое-то чудо удержало безвольное туловище от дальнейшего неминуемого падения плашмя на землю.

– Впредь я буду более осмотрительной при встречах с вновь прибывшими избранными. – Вновь послышался обеспокоенный голос. Через мгновение из чащи леса появилась длинноногая обладательница этого голоса. Лицо женщины выражало изрядную степень беспокойства.

– Я и подумать не могла, что ты столь сумасбродна! – Продолжила она начатую речь. – Ты могла разбиться, утонуть, покалечить себя... О, прошу, не беспокойся об этом. – Добавила она, заметив, вероятно, выражение глаз Стеллы. – Я специально обездвигила твое тело при помощи

Силы, и таким же точно способом лишила на время возможности говорить. Не волнуйся. Все хорошо. Я не причиню тебе вреда.

«Хотелось бы верить. – Раздосадовано думала в эти минуты Стелла, тараща глаза и ощущая себя беспомощней, чем когда-либо. – Ты же сейчас можешь сделать со мной всё, что тебе заблагорассудится. Но... как? Как именно ты это делаешь?».

Женщина подошла к ней поближе.

– Меня зовут Лаура. – Приветливо улыбнулась она.

Стелла пригляделась к лицу женщины. Не назовёшь его молодым, но морщин нет – ни одной. Глаза, правда, весьма примечательны: казалось, из них исходит самый настоящий свет. Будто вытекая из-под век, этот свет расходился по белоснежным длинным волосам, заплетённым в идеально собранную косу, а далее – во все стороны вокруг. Женщина из пещеры напоминала ни много ни мало изображение какой-то святой с иконы. Стелла поймала себя на мысли о том, что возможно новая знакомая сумела как-то заморочить ей голову, *заставив* её видеть в своей внешности то, чего не было на самом деле.

«Гипноз?»

Лаура, – как она сама себя назвала, – тем временем неслышно подошла вплотную. Слегка подогнув колени, она облокотилась на них руками, чтобы их со Стеллой глаза оказались на одном уровне.

– Я попрошу тебя ещё раз, избранная – не бойся. Ты попала в мир, параллельный тому, в котором ты жила ранее. Параллельные миры – это реальность, и существует их великое множество. Ты спросишь о том, как именно ты попала сюда, и почему именно ты? Я отвечу: тех, кто попадает в наш мир, приносит сюда *Высшая Сила*. Понимаешь, о чём я говорю?

Стелла на всякий случай моргнула глазами.

– *Чёрный Свет* – имя нашей *Великой Силы*. Чёрный Свет создал наш мир, и именно ОН повелевает им. А ещё, Чёрный Свет обладает властью проникновения в иные миры. Там он находит существ, обладающих превосходящими способностями, и переносит их в наш мир, потому как они необходимы здесь гораздо больше, нежели в тех местах, откуда были изначально родом.

Стелла попыталась задержаться. Она уже забыла о том, что несколько минут назад не верила в то, что с ней происходит, – слишком уж велико было желание высказаться. Длинноногая женщина являлась пока единственным существом (из тех, кого она здесь успела встретить), кто был похож на человека, потому Стелла волей-неволей должна была временно смириться и начать «играть по правилам», иначе ей до правды не докопаться. Нетерпение, очевидно, читалось в её глазах, потому что Лаура сказала следующее:

– Сейчас я верну тебе способность говорить. Пока лишь *только говорить*. Я выслушаю тебя.

Стелла внимательно смотрела на длинноногую. Она надеялась, что сможет понять, как именно та смогла заставить все мышцы её тела застыть, однако женщина продолжала просто стоять на месте, не двигаясь.

– Прошу тебя, задавай свой вопрос.

Стелла прокашлялась. Голос вернулся к ней!

– Гм... хорошо... равновесие, или как правильно сказать... в общем, если вы утверждаете, что из одного мира пропадает ни с того ни с сего человек, а в другой мир человек просто так попадает, изначально родившись в *другом* мире, что же тогда происходит с окружающим пространством? Искажения? Мой отец...

Она замолкла. Чуть не выложила, что её отец – знаток в смежной области. Глупая девчонка. Им, этим странным людям, может, только и надо, чтобы она начала рассказывать о... хм, а не может ли происходящее быть как-то связано с грязным прошлым старика Фукса?

От действий деда в своё время, кажется, много людей погибло, много. Остались в живых те, кто хотел отомстить. Они могли...

Светло-серые глаза, тем временем, засветились новым всполохом света.

– Ты затронула очень важный вопрос, дорогая. Ты, действительно, говоришь о Равновесии. – Лаура всё не прекращала улыбаться, ненавязчиво и мягко, и это слегка раздражало. – Пусть твоя манера изложения несколько несурозна, но направление помыслов – верное. Да, наш мир после открытия большинства порталов переживает сильные удары.

– Что за удары?

– Буйство стихии, разрушительные явления природы, увеличение числа новых Межпространственных Брешей...

– Видимо, ваше божество не очень-то о вас беспокоится.

– Настаиваю на прекращении нашей беседы в подобном ключе. – Совершенно другим уже тоном, не похожем на предыдущий, отозвалась женщина. – Запомни, избранная: никто не может противостоять воле Черного Света. Никакая другая Сила. И даже если бы нашёлся способ исполнить это, существует слишком много причин того не совершать.

– Назовите хотя бы несколько.

Женщина, кажется, с некоторым удивлением посмотрела на Стеллу.

– Что вы всё время на меня так смотрите?

– Ты милая девушка, очень.

– Ха, давно я такого в свой адрес не слышала.

– Я рада тому, что ты оказалась здесь. В то же время, я не совсем уверена, что мне стоит вести с тобой подробные разговоры сейчас: о переносе и его последствиях. Ты правда хочешь узнать об этом в данные минуты? Подумай.

Стелла послушалась и подумала.

– Пожалуй, да. – Наконец, ответила она. – Видите ли, если вы не начнёте рассказывать мне об этом мире *сию же секунду*, я, наверное, скоро опять захочу сбежать, потому как снова начну догадываться, что всё происходящее мне снится.

– Понимаю. Итак, коли ты сама того желаешь... первая причина того, почему не стоит вмешиваться в ход деяний Высшей Силы, состоит в следующем: перемещения из одного мира в другой не так уж часты, и избранные, бывает, не попадают в наш мир годами. Вторая причина заключается в том, что те, кого Черный Свет приносит сюда, как правило становятся впоследствии нашими помощниками – союзниками в борьбе с теми, кто является нашими врагами.

– У вас есть враги? Надеюсь, не в этом лесу...

– Здесь мы с тобой в безопасности – о том не тревожься.

– Уверены?

– Совершенно уверена. Итак, что касается третьей причины...

Лаура вздохнула. Видно было, что женщина либо умело имитирует расстроенные чувства, либо и впрямь сильно озадачена. Серая сумеречная тень, упав ей на лицо, вмиг сделала его на несколько лет старше, а нахмуренные брови усугубили данный эффект, завершив внешне постаревший образ. Лаура уже совсем не походила на женщину с обложки журнала. Ее серые глаза опять сверкнули, но не ясным светом, а откровенной, неприкрытой, печалью. Губы она поджала. Похоже, ей уже не в первый раз не давалась одна и та же речь.

– Мир, из которого изначально был извлечён избранный, практически не ощущает на себе никаких изменений. – Глухим голосом продолжила она. – В том случае, когда дело касается именно *переноса*, а не просто открытия рядовой Межпространственной Брешы, не ощущает последствий так же и наш мир. Это происходит... Третья причина бессмысленности препятствования воле Чёрного Света перемещению существ, подобных тебе, из другого мира в этот, заключается в вас самих: вы, избранные больше не должны были жить в том мире, из которого вас забрали. Вы все должны были там погибнуть.

Стелла молчала. А что можно ответить в данном случае? Чувств, разве что, лишиться. Впрочем, от этого мало толку.

– Это что же, – наконец, решилась спросить она, – я теперь, можно сказать, живой труп?

– Так говорить нельзя, избранная. – Покачала головой Лаура. – Тебя не успели убить.

Чёрный Свет спас тебя.

– А если я захочу вернуться обратно? Меня там прикончат?

Лаура посмотрела на нее, кажется, с жалостью.

– Ты *никогда* уже не сможешь вернуться обратно. Пути обратно в твой старый мир не существует. Тот мир был настроен к тебе враждебно. Ты погибла бы там, не успев прожить и половины жизни.

– А здесь я могу жить спокойно?

– Здесь у тебя своя судьба. В любом случае, ты уже сейчас, в эти минуты, живешь, тогда как в том мире ты бы уже не жила.

– Но если, – не сдавалась Стелла, – меня так и не успели убить, почему вы уверены, что я должна была умереть? Вдруг я бы выжила.

Лаура медленно развела свои длинные изящные руки в стороны. В следующий момент лучи солнца осветили ткань широких и почти прозрачных рукавов ее длинного платья, и оказалось, что рукава украшены понизу россыпью крохотных мерцающих камней. Свет незамедлительно отразился в этих камнях, – отчего ткань платья стала напоминать тонкую паутину, на которую только что осели мелкие капли летнего дождя.

– Домыслы без доказательств – всё пустое. – Донеслось до слуха Стеллы.

В голове девушки не в первый раз уже промелькнула мысль о том, что эта женщина, – Лаура, – похоже, нарядилась подобным образом именно для того, чтобы выглядеть, будто воплощение церковной иконы. Вновь начали роиться в голове школьницы предположения о том, что перед ней сейчас выступает очень умелая актриса. Правда, всего мгновение спустя очередной приступ боли в груди эти предположения подверг сомнению. Стелла нахмурилась и вновь глубоко задумалась. Что же, всё-таки, происходит?

– Мы делаем выводы, основываясь на рассказах тех, кого перенёс в наш мир Чёрный Свет. Изучая истории избранных, мы пришли к единому согласию, что все те ситуации, в которых вы оказывались перед перемещением, привели бы к неминуемой гибели.

– Да? – С вызовом переспросила Стелла. – Вы так уверены?

– Да, избранная.

Лаура опустила по-прежнему поднятые руки – и свет платья погас.

– Быть может, дорогая, ты хочешь сейчас подробнее поговорить о том, при каких обстоятельствах ты сюда попала? Я готова побеседовать с тобой об этом.

– Нет. – Сразу отмела предложение Стелла. – Благодарю, не стоит. Я хочу как можно скорее забыть об этих обстоятельствах.

– Тогда назови мне иную тему разговора, и я охотно поддержу её. Сейчас, сразу по прибытию, тебе, для твоей же собственной безопасности, необходимо внять некоторым моим доводам. Однако же, мне хотелось бы, чтобы доводы прозвучали в дружественной обстановке. Потому – спрашивай, прошу тебя.

– Можно спросить всё, что захочется?

– Верно, избранная. Прошу тебя лишь об одном: выбери ту тему беседы, что не будет слишком сильно тебя печалить.

– Хорошо, давайте начнём. Чёрный Свет – это...

– Пожалуйста, помни про то, что к Высшей Силе нужно относиться с уважением.

– Я не собиралась никого принижать, совсем наоборот. В том мире, откуда я родом, тоже известно о таком понятии – «чёрный свет». Чёрный свет – это часть спектра естественного

природного солнечного света, но как бы искусственно вычлененная, для особых целей. Это как искусственное солнце, созданное специально для ночи, понимаете?

«И к кому я сейчас обращаюсь? – Тут же подумала Стелла. – Ведь и боль в груди, и захлёбывание – всё это можно объяснить. Боль появилась из-за того, что этот верзила сломал мне ноги, проломил грудную клетку, душил, пока я была без сознания...»

– При помощи лампы чёрного света можно добиться любопытных эффектов. – Продолжила Стелла вслух. – С помощью такой лампы можно разглядеть некоторые объекты и вещества в темноте, которые при обычном освещении фонариком не видны.

– Как много странных слов. Твоя речь стала для меня ещё более запутанной, нежели была ранее. – Нахмурилась в ответ на её познания в физике Лаура. – Но, впрочем, я не буду таиться перед тобой: я не впервые слышу вот эти самые слова. Некоторые избранные, до тебя, тоже говорили о чём-то похожем.

– И что вы можете на это ответить?

– Я не бывала в том мире, откуда тебя извлекла Высшая Сила. Я знаю лишь о том, что наш мир создан *Великой Силой*. Она – суть всего. Что же касается отождествления меж собой понятий Высших и Низших – это вполне свойственно непосвящённым. Для слепца разницы нет – либо светит перед ним зажженная свеча, либо падает на него луч ясного солнца.

– А кто создал её, Высшую Силу? Об этом вы никогда не задумывались?

– Ты вновь тревожишь то, что обсуждать неприемлемо. Высшую Силу невозможно создать – лишь она *создаёт*. Вскоре ты поймёшь, насколько *существенно* проявление Силы в нашем мире, и тогда все твои нынешние вопросы и догадки покажутся тебе бессмысленными. Подожди немного, избранная. Ты начнёшь понимать уже очень, очень скоро.

– Звучит, как угроза.

– Прости, я вовсе не этого добивалась. Тебе ничего не угрожает, пока ты под нашей защитой.

– Вас зовут Лаура. Странно, ведь это имя – родом из *моего* мира.

– Такие, как я, являются наставниками вновь прибывших. Я ношу имя *того* мира не просто так. Высшая Сила постепенно полностью избавит вас от воспоминаний о мире прошлом, и о *тех* именах и обычаях, но первое время вам всем *необходимо* слышать знакомые имена. Это поможет восполнить некоторую пустоту.

Пока Стелла внимательно слушала, пытаясь найти нестыковки в речи женщины и думая над тем, что бы такого уместнее сейчас спросить, дабы «подловить» эту лже-святую, желудок её, – наигрубейшим образом нарушая эти минуты полнейшей сосредоточенности, – внезапно начал довольно-таки громко подвывать.

– Ох! – Лаура с досадой махнула рукой. Вслед за взмахом руки, словно паутинка, гонимая ветром, пронеслась в воздухе и послушная ткань сверкающего рукава платья. – Прости, дорогая. Давным-давно пора тебя накормить. И новая одежда необходима. Я так была увлечена погоней и дальнейшим разговором, что совершеннейшим образом обо всём этом забыла.

После слов женщины, несмотря на показавшуюся вновь несколько театральной трагичность её жестов, Стелла вдруг поняла, что и впрямь проголодалась. Желудок вновь «заскулил» (она, кстати, не могла припомнить, чтобы в каком-либо из своих снов хотя бы раз ощущала чувство голода).

– Мы с тобой находимся глубоко в лесу. – Продолжала, тем временем, длинноногая. – А поскольку солнце уже почти село, мы нуждаемся в помощнике, что доставит нас до нужного места. Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Лаура пошевелила в воздухе тонкими длинными пальцами, – и в следующий момент Стелла зашаталась, с трудом выдерживая земное притяжение. Женщина в белом, в свою очередь, легко, будто являлась предводительницей лесных нимф, поспешила куда-то в чащу. На некоторое время Стелла осталась стоять посреди леса в одиночестве.

Было тихо. С каждой минутой смеркалось все сильнее. Тени под деревьями становились гуще, объемнее. Солнечные лучи всё с меньшим напором пробивали лиственную крышу леса. Температура воздуха (как она и опасалась ранее) стремительно понижалась. Пока было терпимо, но в мокрой одежде, все-таки, ощущения казались не слишком комфортными – тем более, что из одежды по-настоящему целым на ней осталось только нижнее бельё.

«Интересно, в здешнем лесу случайно маньяков не водится?»

Стелла фыркнула про себя и закрыла уставшие глаза в попытке расслабиться. И вдруг, с той стороны, где был выломан проход среди деревьев, раздался треск. Глаза Стеллы сами собой открылись.

Из-за деревьев показалось живое существо. У неё подогнулись ноги от того, что она увидела. К ней приближалась огромная, – да нет же, просто *громадных* размеров птица. Стелла как-то раз видела подобную, правда, на рисунке, а не в реальной жизни. На той памятной картинке из энциклопедии о животных был изображен болотный кулик: с большими круглыми глазами, тонкими длинными лапами и высоким густым стоячим хохолком на голове. Под изображением, как Стелла сейчас помнила, значилась подпись: «чибис». К подписи вела ссылка, в которой сообщалось, что размером данная птица обычно не превышает голубя. Чибис, представший сейчас перед Стеллой, – в этом зелёном лесу, у берега горного ручья, – размерами не уступал крупному мерину. Отличие от обычных куликов (помимо габаритов) состояло ещё и в том, что тело этого создания не было округлым, но скорее вытянутым, и гораздо более мощным. У него были длинные красные ноги. Оперение шеи, лба и хохолка, а также узорчатых полос под глазами, – чёрным. Голову и нижнюю часть туловища покрывали белые перья, а окрас спины и крыльев сверху из рыже-красного переходил в болотно-зеленый.

Стелла стояла и вытаращив глаза глядела на это *чудо*. От удивления у неё не хватило реакций даже на то, чтобы открыть рот. Птица, в свою очередь подойдя ближе, посмотрела на нее сверху вниз, склонив голову набок – почти так же, как это проделывал недавно, сидя на ветке дерева, гораздо меньших размеров чёрный дрозд.

«Приветствую, избранная». – Услышала Стелла чуть грубоватый мужской голос в своей голове.

Она дернулась с не привычки. Похоже, с этим существом можно было общаться так же точно, как с призрачным получеловеком-полудеревом из пещеры.

– Кто вы? – Машинально произнесла в ответ Стелла.

«Нас называют полуборотнями. Перед тобой – мой звериный облик. В своём естественном облике я мог бы общаться с тобой более распространённым среди людей способом, но я имею право показываться перед избранными в своём естественном облике лишь в определённых случаях. Зови меня Чибис – как птицу, в которую я могу перевоплощаться».

– Таких, как вы, много? – Поинтересовалась Стелла у странного существа.

– Прости, дорогая. – Из-за спины прищельца выглянула Лаура, она осторожно подошла ближе. – Я не могу допустить излишеств с разговорами до тех пор, пока ты не переоденешься в сухую одежду. Ты ведь можешь простудиться, а это крайне нежелательно. Чибиса я позвала для того, чтобы он отнёс нас в дом, в котором я живу. Чибис, дорогой, ты не будешь против, если я попрошу понести двоих сразу?

Существо сразу повернуло к женщине свою голову. Видимо, оно что-то ответило ей, но Стелла этого не слышала, потому как обращалось оно, вероятно, посредством мысли, – и не к ней, а именно к Лауре.

– Благодарю тебя. Помоги мне, пожалуйста, забраться вверх.

Чибис приподнял длинную красную ногу, чтобы Лаура могла встать на неё, как на ступеньку. Надо заметить, женщине удалось с необыкновенным изяществом взобраться на птицу и сесть к ней прямо на спину, – сложив ноги так, как женщины обычно кладут их, усаживаясь верхом в женское седло.

– Дорогая, ты будешь держаться за меня. – Обратилась Лаура к Стелле. – Садись рядом и берись за мою талию.

Стелла нервно сглотнула.

«Ещё и лететь придётся. Отлично. В полёте я, скорее всего, сорвусь вниз и проснусь. А проснувшись, начну молить о том, чтобы опять заснуть, настолько мне будет больно. Это довольно страшно, правда. И чем дольше это всё продолжается, тем страшнее просыпаться...»

После сплава по горной реке, Стелла вконец растеряла былую уверенность в том, что готова к этому – к пробуждению в реальном мире. При этом, всё вело к тому, что *так и случится*, как она думает. В особенности смущало даже не то, что на существе, называющем себя полуоборотнем, не было седла, но то, что ей предстояло держаться во время полёта за женщину, которая, казалось, сама вот-вот соскользнёт вниз, не успев взлететь. Это ведь противоречило всем известным научным законам. И всё же, Стелла не могла спорить и отказываться от полёта: ещё свежи были в голове воспоминания от последствий предыдущего «непослушания». Она понимала: не будешь соблюдать некие «правила» – выйдет только хуже. События должны развиваться, развиваться, раскручиваться – до тех пор, покуда она, очевидно, не проснётся.

Когда она коснулась босой ногой лапы Чибиса, у нее создалось ощущение, будто она наступила на змею, – такая эта лапа была холодная и шершавая. Стелла чуть было не скривилась, и только глубинное понимание того, что существо, стоящее перед ней, разумно, и потому может обидеться на подобную реакцию и причинить ей в ответ боль, – сдержало её. Она карабкалась ему на спину довольно неловко, опасаясь сильно дергать за перья и потому постоянно отводя руки от его крыльев.

«Сегодня можешь дёргать. Для первого полёта это нормально». – Наконец, мысленно произнёс полуоборотень, решив, видимо, сжалиться над ней.

*Значит
драть перья
громадному кулику
это **нормально**
вот как*

Ненормальное началось, когда гигантская птица взмыла вверх. У Стеллы перехватило дыхание. Она машинально покрепче вцепилась в Лауру, забыв о том, что женщина сама практически ни за что не держится. Перья на спине полуоборотня стали казаться тем более гладкими и скользкими, чем выше они поднимались над землёй.

Теперь у Стеллы слезились глаза из-за мощных потоков воздуха, бьющих ей прямо в лицо, но она, тем не менее, все шире открывала их. Было крайне волнительно, да что и говорить, откровенно страшно лететь на такой высоте, – еще и в столь «шатком» положении, как сейчас, и у неё периодически захватывало дух, а все мышцы, какие только существовали, сжимались. И всё же, ощущения от полёта, в совокупности своих составляющих, пересиливали

страх. Причины подобной реакции крылись, очевидно, в силу отсутствия полноценного доверия к происходящему.

Горная долина, – над которой летел «полуоборотень» с двумя своими наездниками на спине, – являла собой живописнейшую натуру, впору подходящую для иллюстрирования книги сказок: в свете лучей закатного солнца, навстречу которому они сейчас стремились, данное сравнение виделось неоспоримым. Лес был похож на море, только не синее, а ярко-зелёное. Казалось, его площадь простирается к востоку на сотни сухопутных миль. После того, как лес остался позади, справа стала видна, как на ладони, макушка хребта. Острая вершина напоминала сырную голову, испещрённую многочисленными круглыми отверстиями – пещерами.

«В одной из них я была совсем недавно». – Мельком подумала Стелла.

Дальше по тому же хребту, на относительно небольшом расстоянии от высшей точки, посреди обширного плато (странно даже, что Стелла не заметила его, когда ещё находилась над обрывом), – блестело большое горное озеро. Озеро в это время суток казалось наполненным огнем: его гладкая поверхность отражала окрашенное ярко-алой краской заката небо. Огромная масса воды, – в виде водопадов, низвергающихся вниз в пропасть мощными потоками, а также в виде кажущихся, напротив, не особо приметными змеек-ручейков, распространившихся по всей ширине плато, – брала истоки из этого озера. Одна из водяных «змеек» особенно ярко выделялась на фоне других: начиная путь прямо из озера, далее по гладкой ровной траектории вдоль плато она дугой огибала верхнюю часть горы, с пещерами, а после как бы «пряталась» внутри. Ручей появлялся вновь в нескольких метрах ниже уровня вершины и затем, удивительно плавно, преимущественно без резких перепадов утекал в каньон меж скал, который уходил, постепенно снижая высоту, напрямик в лес. Стелла сейчас понимала, как ей повезло: предполагать заранее, что из этого горного ручья она сможет повторно выбраться, не изломав, при этом, половину своих костей, казалось ей сейчас полнейшим абсурдом.

Отличие от большого хребта, малый, левый, водопадами не изобиловал. Хребет напротив более всего напоминал кусок стены громадной недостроенной крепости. Изначально у кромки леса низкий, он, без плавного набора высоты, сразу вдавался резко ввысь и, – судя по картине, что открывалась ближе к середине долины, – в *той* месте хребет так же оканчивался отвесно. Впрочем, этим его странности не завершались. Одна из его частей особенно выделялась, – тем, что была, похоже, обитаема. Подобно огромному каменному муравейнику с отверстиями, скала в одном месте была буквально изрешечена россыпью застеклённых окон.

Внезапно Стелла почувствовала резкий перепад высоты.

В горле у неё пересохло, мысли вернулись к маньяку и тёмному переулку, а руки сами собой вцепились, – не в Лауру, но в перья того существа, на котором они обе сейчас сидели. Существо, что звалось полуоборотнем, на эти действия никак не прореагировало, продолжая плавно опускаться ниже. Вскоре линия его полёта выровнялась, и теперь с его спины можно было разглядеть некоторые объекты на земле гораздо лучше. Самое широкое место долины: меж двух хребтов и началом леса, – оказалось занято большой ровной площадкой, заполненной путаным переплетением множества извилистых ручьёв и одиноко произрастающих, а также растущих напротив, весьма плотно друг к другу, деревьев крупных пород. В самом центре площадки виднелся большой пруд, окружали который, кажется, плакучие ивы. По периметру участок украшали немногочисленные, но очень яркие пятна цветников, с вытоптанными вдоль и вокруг них пешеходными дорожками, в некоторых местах окаймлённые двойными линиями кустарниковых зарослей. Площадка в целом производила впечатление некоторой небрежной запущенности. Далее, вглубь долины и до самого её окончания, виднелись ещё множественные водоемы, – меньших и намного меньших размеров, нежели основной, «парадный» пруд, – но они все отнюдь не были облагорожены, и даже напротив: судя по окружающим их зарослям располагались на участках совершенно диких и людью, кажется, не тронутых вовсе. Помимо источников пресной воды, полноту долины так же составляли невысокие холмы и сопровожда-

ющая их обильная растительность: поляны, лужайки, многочисленные кустарники и деревья. Деревья местами составляющие целые рощи. Ближе к завершению долины, с левой стороны, на окраине одной особенно обширной рощи издалека проглядывались каменные постройки (либо это были просто хаотично разбросанные валуны огромных размеров, которым вечерняя игра света и тени придала вид чересчур величавый). Стелла глядела на всё то, что окружало её, как бы со стороны, а при наступлении тех моментов, когда ощущение реальности становилось для неё чересчур зыбким (и она вновь начинала чувствовать себя героиней собственного чересчур яркого сновидения) она сразу представляла себе картину своего стремительного падения вниз, – с высоты плашмя на землю, – и всего того, что за этим могло следовать. Сразу после этой фантазии руки её сами собой крепче сжимали перья гигантской птицы.

Когда полуоборотень принялся за окончательное снижение, над линией горизонта остался видимым лишь краешек оранжево-красного круга солнца. Всё время держась право, огромный кулик долетел примерно до середины долины и здесь же приземлился на плоской, заросшей травой поляне, рядом с небольшим водоёмом и недалеко от произрастающей в этом месте рощицы, упирающейся в подножие хребта. У Стеллы во время пути то и дело прерывалось дыхание, и только теперь, встав, наконец, ногами на твердь земли, она смогла вдохнуть воздух полной грудью. Чибис на это действие отреагировал весьма быстро: склонил голову и по-птичьи, наискосок, глянул на неё.

«Приятно с тобой познакомиться, избранная».

Огромная птица внезапно подмигнула ей. Стелла лишь молча кивнула в ответ. Она не могла сейчас понять, приятно ли *ей* познакомиться с этим созданием, или нет: слишком много мыслей роилось в голове. Сразу после того, как полуоборотень удалился, стремительно воспарив в небо, Лаура обвела «крылатым» движением руки окружающее их двоих пространство – от начала поляны до склона хребта.

– Здесь я живу. – Произнесла она. – Добро пожаловать, дорогая. Пройдём сразу в дом.

Стелла, однако, вместо того чтобы сразу последовать приглашению, начала осматриваться. Водоём, рядом с которым их посадил так называемый «полуоборотень», оказался на деле ничем иным, как самым обычным болотом. Салатно-зелёная ряска покрывала практически всю его поверхность, и кое-где из неё выглядывали расположенные будто бы в шахматном порядке, поросшие травой кочки. Несколько трухлявых, стоящих накрываясь из воды брёвен торчали у самого ближнего берега. С трёх оставшихся сторон болота окружали густые заросли осоки, камыша и рогоза. Небольшая, изрядно покосившаяся деревянная постройка, что располагалась на небольшом возвышении в нескольких метрах от дальнего края болота, смотрелась здесь весьма уместно. Неуместным было вот что: Лаура, почему-то, уверенным шагом двинулась к «ведьминой избушке», постоянно оглядываясь на Стеллу, чтобы та не отставала.

Стелла в очередной раз почувствовала какой-то подвох. Она вполне смогла бы понять выбор Лауры, если бы «дом», в котором длинноногая, якобы, жила, был больших размеров, имел ровные стены и стоял на берегу реки или озера. Представленный же водоём и подобное жильё казались совсем не подходящими для женщины в белых одеяниях и со светящимися «божественным» светом глазами – уж скорее такие хоромы подошли бы жабе. Лаура, однако, упорно продолжала идти к указанному строению, и Стелле другого не оставалось, кроме как пойти следом.

От берега болота к избушке вела дорожка, тщательно выложенная крупными плоскими камнями. По ней Лаура в глухой тишине подвела свою гостью к ветхой постройке. Взгляд на строение вблизи радости Стелле не прибавил. Дом казался весь насквозь прогнившим и чёрным. Перекрытая досками крыша требовала скорейшего ремонта. Петли у входных дверей

покрывала рыжая ржавчина. Стёкла в оконных проёмах, правда, имелись – спасибо и на этом. Рядом с накренившимся крыльцом под окнами стояли, источая пахучие ароматы, многочисленные, поросшие мхом деревянные кадки. Внутри них в земле росли зелёные поганки, грибы, наподобие крошечных опят ярко-красного цвета, разноцветные мухоморы, – со шляпками самых диких форм, – а также многочисленные пучки разных трав, Стелле неизвестных.

Вот так плантация

Стелла подняла голову вверх. Покосившийся чёрный домик, казалось, злобно навис над ней. Затем протяжно скрипнула входная дверь.

*Беги отсюда
пока не поздно*

Стелла в два шага преодолела расстояние между крыльцом и дверью и вошла внутрь, на этот раз не слушая голос внутри своей головы. Может, этот дом и был обителью чего-то ужасного, но на улице становилось уж слишком холодно, так что пока самым правильным выбором она посчитала какое-никакое помещение.

«Кроме того, – рассудила про себя девушка, – от *неё* всё равно так просто не сбежишь».

Что касается внутреннего убранства «избушки», оно удивило, и на сей раз приятно. Помещение составляла одна-единственная большая комната, с высоким белёным потолком. Настил на полу был новым, деревянным, без щелей. По левую стену, чуть дальше от входа, стоял простой деревянный обеденный стол. По сторонам от стола размещались две лавки и два стула, без спинок. В правом ближнем от входа углу стояла большая каменно-глиняная печь. Вся дальняя часть комнаты отгорожена была плотной полосатой занавеской в пол, и то, что находилось за этой занавеской, оставалось пока загадкой. В комнате имелось так же три окна, совсем маленьких. Все три были аккуратно завешены крохотными занавесочками с вышитыми на них незамысловатыми узорами, вроде листочков и птичек. В глиняных горшках на подоконниках стояли живые цветы (фиалки, кажется). Пол украшали разноцветные круглые вязаные коврики (Стелле эти коврики живо напомнили о гостинной в родительском доме).

Лаура, сняв с ног свои белоснежные, на удивление не тронутые пылью и грязью открытые сандалии, ни слова ни говоря прошла в дальний отсек, за занавеску. Вернулась она оттуда с переброшенным через локоть большим широким полотенцем. Одной рукой она держала тряпичный мешок, внутри которого что-то позвякивало, другой – ворох какого-то тряпья.

– У тебя, вероятно, сегодня был сложный день, дорогая. – С самым благодушным выражением лица произнесла хозяйка дома.

«Точнее не скажешь». – Подумала Стелла, но вслух ничего не выразила.

– Предлагаю тебе сходить обмыться, а я пока приготавливаю что-нибудь на ужин. Ты ведь не будешь против поужинать со мной?

Стелла покачала головой из стороны в сторону, присматриваясь к зашторенной половине комнаты в надежде на то, что сейчас оттуда не выскочит какое-нибудь бесовское создание.

– Твои вещи придется выбросить: для носки они совершенно непригодны. То, что я держу в руках – временный комплект одежды для тебя. Для омовений у меня имеется отдельная избушка, за основным домом, у начала рощи. Будь моей гостьей, не смущайся. Если что-то будет нужно – сразу зови.

Женщина стояла совсем рядом и видимо, решив проявить к Стелле какое-то дополнительное участие, осторожно провела рукой, почти не касаясь, по растрепанным волосам только начавшей успокаиваться пришелицы из иного мира. Стелла, едва ощутив прикосновение, отскочила в сторону.

– Извини. – Тут же отстранилась Лаура. – Поверь, я вовсе не хотела напугать тебя или обидеть. Мне лишь хотелось бы надеяться на твоё расположение, а также на то, что ты выполнишь одну из моих просьб.

Стелла продолжала сохранять молчание. Женщина в белом тоже молчала. Это обстоятельство заставляло Стеллу чувствовать себя вдвойне неловко, и потому она, всё же, открыла рот первой. Нехотя она спросила:

– Что за просьба?

– Прошу тебя, не убегай отсюда. Хорошо?

На сей раз она принципиально решила не отвечать.

– Горного ручья поблизости нет, – продолжила Лаура, – но вот болото... Полагаю, болото может принести нам не менее печальные последствия, нежели ручей или озеро.

Женщина в очередной раз виновато улыбнулась. Вещи, находящиеся сейчас в её руках, оказались незамедлительно протянутыми Стелле.

Это, видимо, шутка была

Стелла кивнула, всё больше заливаясь краской от воспоминаний о недавнем прыжке в ручей, приняла от Лауры протянутые вещи и вышла поскорей на улицу. Поступок, казавшийся Стелле таким логичным всего час тому назад, сейчас представлялся настолько бредовым, насколько вообще может быть бредовой человеческая мысль.

Отыскать нужное деревянное строение не составило труда: от дома в сторону рощи уходила хорошо натоптанная тропа, по которой Стелла сразу последовала, не отвлекаясь на виды вокруг. Помывочное помещение (сама постройка снаружи оказалась очень похожей на предыдущий дом) внутри делилось на два отсека. Первый служил для переодевания, и внутри расположена была небольшая, сложенная из тёмного кирпича печь, – ещё сохранявшая тепло недавней протопки. Войдя внутрь и закрыв за собой дверь на крючок, Стелла начала осторожно избавляться от одежды. Ей действительно нужно было помыться и согреться, так что особо раздумывать она не стала. С каждой новой снятой вещью она кривилась все сильнее: ранки, царапины, порезы, к этому времени уже слегка подсохшие, сразу начали болеть, растревоженные ее движениями. Некоторые из них закровоточили. Зеркала в помещении не имелось, и Стеллу это, пожалуй, даже обрадовало: чуть наклонившись, она заметила у себя под ребром здоровенный кровоподтек, и интересоваться более подробным состоянием своего тела желание как-то сразу пропало.

Полностью раздевшись, она заглянула в мешок, который ей подсунула Лаура, и обнаружила там губку, грубую мочалку, серое мыло, а также кучку мелких стеклянных баночек и бутылочек, замысловатых форм и разнообразных расцветок. Вместе с мочалкой и мылом в руках Стелла зашла внутрь смежного с первым помещения: оно, судя по всему, предназначалось непосредственно для омовений. Внутри стояли, – на деревянных, притороченных к стенам лавках, – один на одном несколько деревянных ушат. Справа от входа из стены торчали два массивных крана. Вода, которую Стелла набрала, – открыв оба крана и смешав то, что из них излилось, в одном из ушат, – оказалась восхитительно теплой. Мыло приятно пахло какими-то травами. Постепенно очищая кожу, несмотря на боль, Стелла чувствовала, как начинает уходить ощущение усталости от пережитого. Вначале пытаюсь обойти ранки и порезы, уже через несколько минут девушка принялась и их ожесточённо тереть. Ей захотелось избавиться от всего, что связывало её с *этой* ночью, – в том числе от тех частичек пота, грязи и крови, что могли ещё оставаться где-то в недрах её кожи или под ногтями. Наконец, обмывшись полностью, Стелла, прикрыв глаза, встала спиной к двери и размеренно начала вдыхать пар, пропитанный непривычными ей запахами.

*А знаешь
если этот Чёрный Свет перенёс сюда тебя...
Он мог наверное
перенести...
И ЕГО
тоже*

По спине внезапно пробежал холодок, вплетаясь в позвоночник.

«Этого не может быть. – Подумала Стелла, не открывая глаза, чтобы не признаваться самой себе в своих страхах. – Я здесь одна. Маньяк остался там».

*Всякое может случиться
Он вот, уже сейчас
протягивает руку
к твоему затылку...*

За спиной скрипнула половица. Стелла в ужасе открыла глаза и резко развернулась. За её спиной, как и ожидалось, никого не было.

«Тупица».

Как могла быстро, она ещё раз промыла волосы, – не сумев заставить себя при этом закрыть глаза, – затем наскоро посмывала возможные остатки мыльной пены с кожи и сразу вытерлась жёстким полотенцем. К тому времени, когда она окончила все эти свои действия, сердце её перестало биться так часто, и когда она засовывала руку в мешочек с цветными стеклянными бутылочками, она была почти спокойна.

– Дом стоит на земле. – Сама себе сказала Стелла. – Поэтому скрипит постоянно. Это нормально.

Она открыла один из бутылков – не выбирая, первый попавшийся. Тот оказался выдут из тёмно-синего стекла и имел широкое горлышко. Субстанция, находившаяся в склянке, была густой, белой и (как всё в этом месте) пахла какими-то лекарственными растениями. Стелла нанесла мазь на своё разодранное запястье и, – пытаясь игнорировать мгновенно возникшие болезненные ощущения, – тщательно втерла внутрь. Кожу очень сильно зашипало, но уже через несколько секунд боль прошла. Намазав содержимым этого, а затем и прочих бутылков все израненные участки кожи, которые ей удалось у себя обнаружить, она вышла обратно в первое помещение и там взялась разгребать тот клубок с одеждой, что вручила ей с собой Лаура. Комплект пошит был из ткани наподобие хлопка: тонкой, лёгкой, но при этом достаточно плотной. Состоял он из нижнего белья весьма простого покроя, штанов и тонкой широкой рубашки – без пуговиц, с длинными рукавами. Так же нашлось тут место мягким уличным тапочкам. Впору Стелле пришлось только обувь, – вся остальная одежда оказалась слегка велика.

Находиться в помещении в одиночестве слишком долго не хотелось (пусть внутренне она и пыталась убедить себя в обратном), так что, быстро одевшись, Стелла очень скоро вышла на улицу и пошла по тропе обратно в дом. Снаружи, к тому времени, уже стемнело. В кустах трещали цикады. Перед лицом порхали редкие мотыльки. Зудели у уха комары. По пути Стелла чуть было не раздавила ногой крупную бурую бородавчатую жабу, что до этого момента безмолвно восседала прямо посреди тропы, – вероятно, охотясь на упомянутых выше мотыльков. В той стороне, где располагалось недавно совершенно безмолвное болото, теперь громко квакали лягушки, а трава вокруг мерцала от обилия светлячков, – которые россыпью маленьких искорок непрерывно передвигались с места на место в своём быстротечном танце жизни. Над

входной дверью дома Лауры горел свет. Видно его было издалека. Поднявшись на крыльцо и приглядевшись получше, Стелла увидела, что вместо привычного фонаря над дверью висит большой, светящийся ярким светом *камень*, обточенный до почти идеально круглого состояния и вставленный в мощную металлическую «клешню». Стеллу это немало удивило. Она пожалела, что не обратила внимание, каким образом освещалась помывочная в роще, – но возвращаться обратно уже не хотелось. Зайдя внутрь дома, она сразу осмотрелась в поисках источника света *здесь*, и вскоре увидела вновь эти странные светящиеся камни – в беспорядке, казалось, вставленные в щели под потолком, и в дощатые стены комнаты. В отличие от первого камня, висящего над дверью, камни внутри дома были совсем мелкие, – что, впрочем, не мешало им освещать комнату не хуже привычных Стелле лампочек накаливания.

От более подробного изучения обстановки отвлёк донёсшийся до ноздрей запах вареного картофеля, смешанного с целым «букетом» различных пряностей. Желудок, будто очнувшись ото сна, беспардонно начал требовать еды, вновь слегка подвывая. И тут, неожиданно, будто отозвавшись на этот импровизированный «вой», у ног Стеллы раздалось низкое тихое урчание. Она подсочила на месте и удивлённо глянула вниз. Пушистый, будто созревший одуванчик, с шерстью какого-то странного пегого цвета, на неё снизу вверх глядел...

«Кот?»

С самого первого взгляда было сложно определить, что именно это за зверь. У него было довольно крупное, пожалуй, слишком массивное для обычного кота тело, короткие лапы, приплюснутая голова и странные, широко расставленные и маленькие, будто купированные, круглые уши. Ярко-жёлтые глаза, казалось, глядели на гостью с явным неодобрением. Толстый короткий полосатый хвост лежал на полу, и кончик его едва заметно шевелился. Лаура, воркующая в это время над печью, оглянулась на звук.

– Это Дымок. – Голос женщины, казалось, стал еще теплее, нежели раньше, а глаза засветились, источая искреннюю привязанность. – Можешь приласкать его, ему нравятся хорошенькие девушки.

И что ему нравится с ними делать?

Царапать до кости?

Стелла наклонилась и осторожно прикоснулась кончиками пальцев к разукрашенной чёрным точкам макушке животного. «Кот» вновь заурчал, но в этот раз по-иному, сменив интонации на более мягкие. Стелла осмелела и погладила его всей ладонью.

– Дымок – приبلудившийся путник. Вообще-то, по природе своей он дикий кот, степной. – Лаура поставила на накрытый теперь бежевой льняной скатертью стол низкий глиняный горшочек. – Не могу знать наверняка, что именно сподвигло Дымка перебраться из степи в горы, но ему понравилось жить здесь. В моё отсутствие он стережет домик от... от грызунов, вероятно. Мыши иногда забегают сюда, сквозь щели.

Женщина замолчала на несколько секунд. Взгляд её, при этом, не отрывался от животного.

– Любому человеку, либо человекоподобному существу, необходимо о ком-то заботиться, кого-то любить – просто так, без причины, без всяких обещаний и заветов. – Прибавила она.

Переместив взгляд с кота обратно на стол, Лаура положила на скатерть две вилки с деревянными ручками и указала Стелле легким взмахом руки на сидение.

– Только тот, кто истинно любит, всей душой – только тот действительно счастлив. Когда же кто-то думает лишь о том, чтобы любили его... ох, нет счастья тому существу.

Стелла присела за стол, молча переваривая сказанное. Лаура, тем временем, взяла со стола глиняный кувшин, налила из него молока в кружку Стеллы, после подошла к стоя-

щему недалеко от печки блюдечку Дымка и налила молока туда. В последнюю очередь она налила напиток себе. Затем женщина подняла посудную крышку, под которой томился, как и ожидалось, варёный картофель. Взяв одной рукой глиняную тарелку, которая предназначалась её госте, она положила туда несколько щедро сдобренных маслом и присыпанных смесью пряностей картофелин и поставила тарелку перед Стеллой.

– Спасибо. – Совершенно искренне произнесла девушка, к стыду своему чуть не захлебнувшись слюной при виде предстоящего ужина. – Поесть не помешало бы.

Сначала она старалась орудовать вилок помедленней, чтобы хозяйка дома не сочла ее слишком прожорливой, но еда казалась настолько вкусной, что тарелка опустела очень быстро. Сама Лаура ела крайне медленно, внимательно её разглядывая. Стелле хоть это и не нравилось, но она была слишком голодна, чтобы протестовать и задумываться над причинами столь подозрительного поведения. По крайней мере, Лаура ела ту же еду и пила то же самое молоко, из одного с ней кувшина. Значит, навряд ли что-то подмешала.

– Приемлешь ли ты ранние пробуждения? – Наконец, обратилась к ней женщина.

– А? Честно говоря, не очень. – Прежде дожевывая и проглотив последнюю пряную картофелину, с некоторым запозданием призналась школьница.

– Ты много спишь?

– Нет, совсем наоборот. Много спать не позволяют мои... скажем так, обязанности перед обществом.

– О, это прекрасно, что тебе знакомо понятие дисциплины. Уверена, скоро ты рада будешь пробуждаться с рассветом солнца, и даже раньше. Сон порой отнимает у нас слишком много времени, которое можно было бы потратить на гораздо более значимые вещи. – Послышалась новая реплика.

За окном вдруг заухала какая-то ночная птица.

– Вы – ведьма? – Решилась спросить Стелла. – Живёте тут, посреди болот, вдали от всякого жилья, выращиваете мухоморы, мыло сами варите.

Женщина в белом снова улыбнулась, посмотрела на нее. В глазах её мелькнула едва уловимая искра.

– Все мы обладаем особой Силой внутри, дорогая. Важно только суметь раскрыть ее. А что касается моего жилья... что ж, я сама выбрала для себя эту участь, хотя могла бы жить в месте, оснащённом гораздо богаче. Кстати, мыло я сама не варю, и мази тоже сама не изготавливаю.

– А кто вам их делает?

– Предлагаю окончить ужин, а после понемногу начать разбираться во всём этом.

– Как скажете.

Сразу после еды Лаура, убрав посуду со стола, первой продолжила разговор.

– У тебя назрело очень много вопросов, дорогая – я вижу это. Ты сможешь задать мне их, но только не все сразу. Завтра нам с тобой предстоит ранний подъём, а поскольку ночевать ты сегодня будешь в своём новом доме, продолжить разговор нам придётся по пути в Замок.

«Только замков мне и не доставало. – Подумала в ответ на это Стелла. – Впрочем, это звучит лучше, чем стройка или хижина на болоте».

– Дымок, мы уходим. Не ожидай меня скоро. – Закрывая дверь, Лаура наклонилась и провела ладонью по приплюснутой голове выходящего вслед за ними из помещения кота. Кот мягко боднул её ладонь в ответ. Неспешно качая у земли пушистым хвостом, бывший житель степей немного поглядел своей хозяйке вслед, затем засеменил на коротких лапах в сень ближайших к дому кустов – и там исчез из виду.

«Не иначе, пошёл охотиться на мышей. – Подумала Стелла. – Лишь бы не перепутал с мышью мою ногу. Если вцепится – мазями точно не отделаюсь».

Дул прохладный летний ветерок, шумела высокая трава, растущая по обеим сторонам тропы, уходящей в сторону от выложенной камнями дорожки к дому Лауры, – по которой пошли, одна вслед другой, женщина и девушка. Лаура, судя по всему, тоже приняла решение поторопиться: шагала она довольно быстро. Стелла не отставала, но двигалась, впрочем, на безопасном расстоянии от своей проводницы. По пути она оглядывалась по сторонам, ища глазами какие-нибудь ориентиры, на тот случай, если вдруг придётся бежать обратно. Увы, трава была пока слишком высокой, чтобы за ней можно было хоть что-то разглядеть. При всём при этом, Стелла старалась мыслить рационально, и чем большими становились её старания, тем больше приходилось принимать доводов в пользу признания достоверной той реальности, в которой она находилась. Она поймала себя на ощущении, что воздух здесь очень чистый, и дышится им намного легче, чем в городе. Ненавязчивая прохлада ночи ей, впрочем, нравилась. Но в особенности приятным было то, что от мазей ссадины на запястьях и на ногах почти совсем перестали болеть. Путницы отошли уже на достаточное расстояние от дома на болоте, и рядом с ними к тому времени не наблюдалось каких-либо явных источников света, но на улице всё равно было светло, словно кто-кто включил в небе огромный фонарь. Образно выражаясь, «фонарь» действительно присутствовал: это луна большим круглым диском висела над долиной, освещая все вокруг. Одежда Лауры в этом таинственном свете серебрилась так, словно вся была соткана из серебряных нитей.

– Здесь тебе нечего бояться. – В который раз тихо произнесла она, внезапно оборачиваясь. – Здесь твоей жизни ничего не угрожает.

– Раз вы говорите «здесь», значит, где-то в другом месте опасность присутствует? – На всякий случай уточнилась Стелла.

Лаура кивнула.

– И где? Далеко отсюда?

Женщина на мгновение прикрыла веки, затем продолжила следовать тропой через серебрищее от света луны, – играющего в капельках вечерней росы, – поле.

– Опасность всюду, но не внутри Долины. В Долине – безопасно.

Они прошли молча ещё несколько секунд, и Стелла, всё-таки, не выдержала.

– Вы не говорите ничего определённого! Почему я здесь? Что это за место? Вы правда верите, что я спокойно смогу заснуть сегодня ночью, не имея представления, где нахожусь? И что это, в конце концов, за замок, в который вы меня ведёте?

– Ты хочешь многого и сразу. – Заметила, плавно шагая по дорожке, длинноногая. – Хочешь узнать всё, но при этом, я уверена, не готова услышать и четверти из того, что я могу тебе поведать.

– Намекаете на то, что я недалёкая?

– Мудрый учитель не скидывает гору знаний на голову ученику, ведь тот может просто-напросто задохнуться под сей тяжестью. Хороший учитель делит знание на небольшие порции и постепенно раздаёт их. Так поступим и мы, дорогая.

Стелла чуть не цыкнула, но вовремя прикусила язык. Её, признаться, жутко раздражали все эти высокопарные речи. Однако, при всём при том она понимала, что негоже спорить с тем, кто помог в трудную минуту, привёл в свой дом, дал помыться, накормил, напоил, да ещё и выдал лекарств. А ещё у этого кого-то живёт в доме странный дикий кот, который по-прежнему торчит где-то здесь, в кустах, и возможно следует за ними, готовый наброситься, если его хозяйку кто-то обидит.

– Посмотри. – Лаура вдруг остановилась, показывая рукой влево.

Стелла повернула голову, и увидела, – далеко, в нескольких сотнях метров от себя, – ту самую гору, на вершине которой она находилась ранее – в то время, когда в небе ещё сияло

солнце, а не луна. Сейчас сверкающие в лунном свете ручьи и водопады опоясывали гору, будто клубок серебристых лент. С севера к высокой горе приближались, собираясь по пути вместе, большие, серые, насквозь просвечивающиеся светом луны тучи.

– Красиво. – Призналась Стелла, до этого видевшая подобное разве что в иллюстрациях фантастических книг. – Это очень красиво, правда.

– Меня радует твоё восхищение красотой сей вершины. Это даёт мне повод надеяться, что ты не будешь расстроена известием о том, что завтра с утра тебе предстоит подняться к ней пешком.

– Что? Опять подниматься наверх? Зачем?

– Существует традиция. Каждый новый прибывший избранный должен первую ночь провести в своём новом доме – в одной из комнат Замка. Наутро он совершает самостоятельное восхождение к тому месту, в которое прибыл из иного мира изначально.

– О. Интересно.

Некоторое время после этого они шли в тишине. Стелле не очень хотелось разговаривать, – и вовсе не по той причине, что ей нечего было спросить. Просто она утомилась. Веки её постепенно стали тяжелеть, и она, – несмотря даже на сумбур мыслей в своей голове (а быть может, как раз из-за него), – принялась зевать на ходу и клевать носом. Поле, по которому изначально шла тропа, через некоторое время окончилось, и дорога закружилась вокруг многочисленных запруд. Ветер время от времени колыхал поверхность водоёмов, – и тогда рябь на воде начинала переливаться, словно кто-то бросал в неё горстями серебряные монеты. Стелла, уже чуть было не засыпая, остановилась у одного из водоёмов и опустила перед ним на корточки в намерении ополоснуть себе лицо водой. Она зачерпнула в ладони сверкающей от небесного света жидкости, опрокинула на себя и, довольная результатом, наклонилась во второй раз, но замерла, заглядевшись на ту картину, что открылась перед ней. Рябь ушла. Поверхность пруда стала ровной, как зеркало. В этом зеркале отражались звёзды и ровный серебряный диск луны. Несколько одурманенный усталостью, но в то же время зачарованный увиденным, – взгляд её остановился на крупной капле росы, что балансировала на самом кончике травинки, растущей на краю берега. Капля заставляла травинку склоняться к воде всё ниже, ниже, а потом, – вспыхнув, словно маленький кусочек хрусталя, от которого лучиком отразился свет, – упала вниз. От места падения капли в стороны пошли круги по воде.

«Похоже, здравый рассудок решил покинуть меня окончательно». – Сделала вывод Стелла, нехотя заставляя себя подняться и продолжить свой дальнейший путь.

Ещё через какое-то время Стелла обнаружила, что тропинка, – по которой они с Лаурой шли до этого, – окончилась, и сейчас они стоят прямо напротив той скалы, в склонах которой с высоты птичьего полета пару часов тому назад она наблюдала блестящие стекла окон. Окна по-прежнему поблескивали, на сей раз отражая лунный свет. Сейчас, когда Стелла стояла достаточно близко, она увидела, насколько велико число здешних оконных проёмов. Так же она отметила: у самого основания скалы, на первом ярусе, на несколько метров вправо от громадной входной двери располагаются вряд девять окон, отличных от прочих: очень высоких, узких, защищённых крупной металлической решёткой. Стоящая прямо перед путницами входная дверь, окованная металлом, соседствовала с двумя окнами меньших размеров, что располагались по обе стороны от неё. Дверь была необычайно высокой: не менее чем в три человеческих роста.

– И сколько здесь всего комнат? – Не обращая ни к кому конкретному произнесла Стелла.

– Около девяти тысяч. – Ответила за всех (и за никого) Лаура. – А если быть более точной – восемь тысяч девятьсот девяносто девять.

– Ух, ты. И что, во всех кто-то живёт?

– Нет, не во всех. Вернее будет сказать так: девять десятых этих помещений уже однажды *встретили* своего владельца. Одна десятая не была открыта своим хозяином ни разу. А сегодня хозяйка появится ещё у одного из них. Добро пожаловать в новый дом, дорогая.

Женщина шагнула к огромной двери и потянула за большое металлическое кольцо, увитое вдоль всей окружности каким-то замысловатым объёмным рисунком, вроде растительного узора. Дверь скрипнула, но для такой тяжести поддалась удивительно легко. Глазам вошедшей следом за своей проводницей Стелле предстала обширная каменная зала, с потолками высотой раза в два выше кованой входной двери. Прямо напротив входа, в глубине помещения, несмотря на некоторую скудность освещения можно было разглядеть широкую, ведущую наверх каменную лестницу, – с внушительными каменными перилами, украшенными, как и кольцо входной двери, вырезанными на них во всю их длину объёмными «завитушками», «стеблями» и «листьями». В зале царил полумрак. Тусклый свет исходил лишь от нескольких светящихся камней, встроенных в серые, ровные, но никак дополнительно не украшенные и не обработанные стены. Также освещение давали два камня покрупнее, – вставленные в два длинных канделябра, что стояли у левой стены и подсвечивали расположенные на уровне выше непонятные надписи, начинающиеся где-то под потолком и оканчивающиеся на высоте около двух метров от пола. Надписи были нечитабельны: то ли буквы написаны чересчур криво, то ли сам текст составлен на неизвестном Стелле языке.

– Эти светящиеся минералы восполняют нам все виды источников света, кроме естественных, разумеется. – Поясняла, тем временем, Лаура. – Световые камни полностью заменили нам свечи, масляные лампы, и факелы. Для того, чтобы светить целый день, подобному минералу для подпитки достаточно даже тех малых крох солнечного или лунного света, что проникают в помещения сквозь окна. Разумеется, данное обстоятельство иногда вносит в нашу жизнь некоторые неудобства: после пасмурных дней, к примеру, камни светят вовсе не так ярко, как после ясных и солнечных. Впрочем, к этому легко привыкнуть. На будущее советую тебе, дорогая: спускаясь по лестнице в периоды снегопадов и затяжных дождей, не забывать придерживать рукой за перила.

– Спасибо. – Немного растерянно отозвалась Стелла, больше сосредоточенная сейчас на разглядывании соседних помещений.

Справа, всего в нескольких шагах от основного входа, располагался ещё один зал, – тоже с высоченными потолками, и гораздо более широкий, чем тот, в котором они с Лаурой в данный момент находились. Именно этому залу принадлежали те несколько вытянутых и окованных крупной решёткой окон, что Стелла наблюдала у входа в Замок. В этом, втором зале, сейчас было темно и тихо.

– Это общая столовая. – Представила помещение Лаура. – В ней обитатели Замка принимают пищу. Столовую ты сможешь как следует разглядеть завтра.

Они прошли дальше, по выложенному чёрной и белой плиткой полу.

– Сразу за лестницей располагается вход в библиотеку. Можешь заходить туда в любое свободное время. – Продолжила вещать Лаура, проходя немного вперёд и показывая направление. Стелла заглянула краешком глаза туда, куда показывала женщина. Даже с первого взгляда сложно было не угадать предназначение зала библиотеки. Потолки здесь были в два раза ниже, нежели в двух предыдущих помещениях, но недостаток высоты с лихвой компенсировался протяжённостью зала, уставленного стоящими вдоль стен многочисленными стеллажами, заполненными, судя по внешнему виду, книгами, свитками и фолиантами. Где-то в глубине комнаты приглушенно светились камни, стоящие на фигурных подставках на крышках столов, а рядом с ними мелькали чьи-то неясные силуэты.

– У вас тут строгие правила, в библиотеке? – Поинтересовалась Стелла, не столько из любопытства, сколько для того, чтобы поддержать разговор.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... у вас кто-нибудь следит за порядком, чтобы никто не шумел и не портил книги?

– Ах, вот ты о чём. Здесь у нас обычно тихо. Сложно спорить с хранителем библиотеки, виртуозно владеющим способностью заставить онеметь.

– Жаль, что в нашем мире таких способностей нет. – Покачала головой Стелла.

Лаура, казалось, хотела что-то ей ответить, но передумала. Через пару секунд она снова открыла было рот, но до Стеллы и так дошёл смысл невысказанных женщиной в белом слов.

– Я уже никогда не смогу вернуться обратно? Вы об *этом* хотели мне напомнить?

Не имея потребности услышать ответ, Стелла поджала губы, продолжая смотреть на светящиеся в глубине зала камни. Свет их вдруг стал подозрительно мутным, и девушка почувствовала раздражение.

– Я запомнила. – Пожалуй, чуть более резко, чем следовало, произнесла она. – Мне уже не место *там*, верно? Я должна была умереть.

– Верно, избранная.

Лаура осторожно коснулась её плеча. Стелла вновь дёрнулась и отодвинулась.

– Почти все спят сейчас. Избранные в большинстве своём любят сон, особенно в первые месяцы. Им так легче.

– Легче – что?

– Легче осознать все те процессы, что происходят вокруг. Не смею лукавить: порой нам всем приходится лицеизреть действительно страшные вещи.

Лаура вдруг затихла. Внутри зала библиотеки что-то хлопнуло, будто кто-то резко закрыл книгу. Глаза женщины в белом опять сверкнули.

– Страшные вещи. – Повторила она, и осторожно приподняла низ платья, чтобы не наступить на него при подъёме на первую ступеньку ведущей на верхние этажи лестницы.

«Кажется, эта особа и впрямь слегка того. – На удивление флегматично подумала Стелла. – Впрочем, в сложившейся ситуации не мне её судить».

– А кто вообще такие избранные? – Вслух любопытствовала она, с удовлетворением отметив, что голос её ровный, не дрожит. – И почему вы меня всё время так называете?

– Избранными зовут тех, кого перенесла в этот мир Высшая Сила. Чёрный Свет *избрал* вас.

– Хм. Понятно.

Стелла опустила голову, начиная свой подъём по широким ступеням.

Избранная. Интересно, должна ли она этим гордиться?

Стены и потолок – все было вытесано довольно грубо и местами совершенно убогим образом: у Стеллы, поднимающейся вслед за Лаурой от этажа к этажу, создалось впечатление, будто она находится внутри огромной каменной тыквы, «мякоть» которой наскоро выскребли изнутри. В коридорах, мимо которых они проходили, поднимаясь всё выше, не висело картин. Не было видно и украшений. Светящиеся камни, что в небольшом количестве имелись в нижнем зале (в том, что с надписями на стене, с «шахматным» полом и канделябрами), – *здесь* были и того менее многочисленны. Если бы не лунный свет, проникающий сюда сквозь широкие окна, расположенные напротив каждого из лестничных пролётов, – идти пришлось бы постоянно цепляясь за перила. При всём при этом, строители, к чести своей, весьма скрупулезно и даже изысканно потрудились над лестницей между этажами. Лестница и впрямь была подобающей настоящему замку: ступени вычищены и отшлифованы, перила оказались на деле увиты то ли экзотическими лианами, то ли лозами дикого винограда (не настоящими, конечно же, но воссозданными из камня).

– Сколько здесь этажей? – Поинтересовалась Стелла, когда они преодолели очередной пролёт.

– Всего десять, дорогая. И мы, наконец-то, добрались до твоего – седьмого.

Лаура доброжелательно улыбнулась, рукой указывая направление, в котором они должны были следовать дальше. По обе стороны от лестницы расходился в стороны коридор, – ширины достаточной, чтобы по нему свободно могли пройти вместе три или даже четыре взрослых человека. В конце каждого из ответвлений коридора располагалось по высокому узкому окну. В одно из них, – в то, что находилось в правом крыле, и в то, чьи створки были сейчас приоткрыты, – прямо светила луна. Лаура повела Стеллу именно туда. Лунное освещение придавало правой (восточной) половине коридора облик мрачный и таинственный. Светящихся минералов здесь не наблюдалось вовсе. Каменные стены даже не были отшлифованы, – лишь пол. Двери отделялись друг от друга в длину расстояниями около восьми-десяти шагов каждое. Каждый шаг идущих сопровождался затяжным отзвуком эха. Не хватало разве что толстой паутины на потолке и молочно-белого лика привидения, – «вытекающего» из потока света, исходящего от окна, – чтобы превратить это место в поистине зловещее. Пройдя большую часть коридора, Лаура вдруг развернулась влево, оказавшись лицом прямо напротив одной из дверей.

– А вот и твоя комната.

Дверь была деревянной, сколочена добротнo, хоть и просто. В меру широкая, в меру высокая, – она не обладала только тремя атрибутами привычной Стелле двери: у неё не имелось ни глазка, ни ручки, ни замочной скважины.

– На каждую из дверей, ведущих в комнаты избранных, наложено особое заклинание. – Поучала Лаура. – Эта дверь будет впредь открываться только тебе. Двери комнат Замка знают своих хозяев, а потому без твоего согласия никто внутрь самостоятельно войти не сможет. Ключ тебе не пригодится.

Ключ не пригодится...

Даже идиот

догадался бы

Замочной скважины

НЕТ!

Лунный свет, протяжённости которого немного не хватало для того, чтобы полностью осветить дверь, помог, тем не менее, разглядеть кое-что другое: небрежно вырезанные острыми линиями цифры в верхней части двери, обозначающие, скорее всего, номер: «523».

– Настало время нам с тобой ненадолго проститься, избранная. – Вновь заговорила Лаура. – До завтрашнего утра я оставляю тебя в покое. Желаю за ночь набраться свежих сил. Завтра утром я приду к тебе и разбужу для того, чтобы ты совершила своё Восхождение. И не забывай...

– Хорошо. – Быстро произнесла Стелла. Она ещё не успела забыть, что здесь она, по словам Лауры, в безопасности.

Девушка прикрыла глаза (кажется, всего на секунду), а после того, как открыла снова, обнаружила, что женщины в белом уже нет рядом с ней. Удивляться сил не было. Стелла прикоснулась кончиком указательного пальца к дереву, из которого была сделана дверь. Поверхность оказалась гладкой и прохладной.

«Настоящая».

Она вздохнула. В коридоре царила полная тишина, будто бы *абсолютно все* обитатели этажа спали – и *это* уже вовсе не казалось естественным. Рука Стеллы зависла в нескольких сантиметрах от двери, однако в последний момент, – перед тем, как толкнуть её, – остановилась.

А ты не думаешь...

*это просто
ловушка
За дверью кто-то сидит
и ждёт.*

– Хватит! – Не выдержав, слегка повысила голос Стелла.

«Как же ты мне надоел... как будто без тебя проблем не хватает. Если... так, а если я сплю, то какого же дьявола *ты* тут делаешь? Ты ведь приходишь *всегда* только наяву!»

*А ты не пьёшь таблетки
что тебе прописал
твой вр...*

– Заткнись.

– У тебя все в порядке? – Послышался внезапно низкий, хрипловатый (и, судя по всему, вполне реальный) мужской голос – откуда-то со стороны лестницы.

Она промолчала.

– Эй, я тебя спрашиваю. Призрака увидела? Могу помочь его прогнать.

Стелла в бешенстве толкнула входную дверь и буквально залетела внутрь тёмной комнаты, забыв всяческие свои опасения насчёт того, что или кто может там находиться. Ещё не хватало, чтобы кто-то из её будущих соседей узнал о её разговорах с самой собой.

Дверь за спиной с грохотом захлопнулась.

Первой же мыслью Стеллы было запереться на ключ или засов, но, к сожалению, хоть изнутри у двери и имелась в наличии ручка, но ни навесного замка, ни щеколды, ни замочной скважины на ней по-прежнему не наблюдалось. Пришлось (как полной дуре) просто поверить тому, что дверь *магическим способом* никого не впустит внутрь.

В помещении Стеллу, кажется, не поджидали: по крайней мере, никого живого, на первый взгляд, ею замечено не оказалось. Впрочем, было довольно темно, и сказать наверняка, что здесь совсем никого нет, было невозможно. Несмотря на все эти не внушающие доверия обстоятельства, и несмотря на то, что там, в коридоре, сейчас кто-то стоял, возможно, готовясь вот-вот открыть дверь, – она слишком устала бояться, чтобы начать сейчас заниматься поисками чудовищ под кроватью и в шкафу.

«Да и к чёрту всё. Заходите. Вылезайте. И пусть будет темно».

На смену агрессии начала стремительно наваливаться усталость. Тяжёлым покрывалом она опускалась издёрганной сегодняшними приключениями школьнице на плечи.

«...какой длинный день... сумасшедший день...»

Стелле невыносимо хотелось спать. Она ничего уже не видела перед собой. Она понимала, что неплохо бы придавить входную дверь какой-нибудь тумбочкой, а для начала это помещение должно осмотреть, как следует, но усталость буквально валила с ног. Уже на полу-согнутых ногах она добрела до чего-то, по внешним очертаниям напоминающего кровать, – на ощупь вполне мягкого, тёплого, уютного. Скинув обувь, она легла, свернувшись калачиком, и укуталась в ворох ткани, приятно пахнущей свежестью, и кажется, вновь какими-то травами.

«Заснуть и проснуться – вот лучший ответ на все вопросы». – Перед тем, как закрыть глаза, успела подумать она.

– Ты спишь? Вот уж не думала, что доживу до дня, когда меня начнут воспринимать, как снотворное.

Голос, вообще-то, был довольно приятным. Пожалуй, чуть грубоват для девушки, но всё равно не лишён истинно женского очарования (это вполне в женском духе – «включать» очарование только лишь в те моменты, когда испытываешь некое особое влечение к собеседнику...)

Говорившая стояла посреди широкого, со скошенными углами, идеально вычищенного и освещённого пещерного зала, во все стороны от которого расходились, будто паучьи лапки, каменные коридоры, укреплённые изнутри металлическими поддерживающими конструкциями. Акустика в помещении впечатляла: вкупе с активной жестикуляцией молодой женщины, то и дело во время своей речи крутившей рукой странные фигуры, можно было подумать, будто центр зала это сцена, а та, что крутится посреди, – театральная актриса. Мужчина, для которого сие действо, в общем-то, и разыгрывалось, чуть сгорбившись сидел от «сцены» немного поодаль, в кресле. Своей скрюченной позой он напоминал то ли засыпающего от скуки, то ли убаюканного голосом исполнительницы зрителя. Однако, он не спал: сразу после заданного ему напрямую вопроса он поднял глаза вверх.

– Вообще-то, я о другом размышлял, извини. – Не моргая, глухим, совершенно лишённым благозвучности голосом произнёс он.

Девушка остановилась, встала напротив своего «зрителя», подошла ближе, а после покачала головой из стороны в сторону – видимо, изображая состояние удрученности.

– Сдаюсь. Кажется, не только голос, – один вид мой вгоняет тебя в сон.

– Это не сон. Сосредоточенность.

– Всё равно... в общем, это бессмысленно. Ты ведь и сам знаешь детали. Напомни, зачем я тебе всё это рассказываю?

– Ты исправно несёшь бремя своей службы.

– А вот это верно.

Посмотрев, нет ли кого поблизости, она, чуть склонившись, прибавила:

– Смотрю я на тебя, и... не знаешь, зачем, всё-таки, было придумано это идиотское Правило, которое Номер Шесть?

Мужчина выпрямился в кресле.

– Решила сделать мне комплимент перед смертью? Спасибо, Номер 634, это *крайне* мило с твоей стороны. Нечасто, признаюсь, я подобное слышу. Чем старше становлюсь, тем реже. Да, к слову, я не настолько стар, чтобы помнить, когда и зачем были созданы Правила.

– Женская участь в Ордене Сердца совсем несладкая. – Продолжала гнуть своё девушка. – Нас в такие условия поставили, от которых на полуоборотня захочется запрыгнуть.

– Это правда? – Мужчина слегка улыбнулся. – Неужто и попытка была?

– Не то, чтобы...

– Но почти. Номер 634, ты прекрасна в своей непосредственности. Что касается меня, то уже послезавтра я начну исполнять своё истинное и единственно верное предназначение. Поверь, тебя бы сразу отвалило беседовать со мной на посторонние темы, если бы ты хоть раз увидела это воочию.

Она в ответ рассмеялась. Эхо от её громкого, хоть, кажется, вовсе неуместного в данной ситуации смеха волнами разлетелось по многочисленным каменным залам, а затем начало возвращаться обратно.

– Ох, ты. Как же я тебя развеселил. Надо же.

– Ты мне нравишься, Номер 528, правда. И ты это *знаешь*.

– В последнюю неделю очень многие начали со мной откровенничать. Оказалось, я нравлюсь гораздо большему числу людей, нежели полагал ранее. К чему бы это всё?

Девушка медленным, но верным шагом придвинулась вплотную к мужчине и попыталась взять его за руку, но он сделал вид, будто этого не замечает.

– Нравится, когда тебя долго просят? Пойдём со мной. Уже поздно.

– Лучше не искушай меня, сослуживец. Хуже будет. Я понимаю, тебе тяжело пришлось в последнее время, но не настолько же...

Она закатила глаза к потолку.

– Насколько мне известно, по слухам, конечно, подобные тебе не нуждаются в целомудрии. *Ваша* Сила не угасает от этого.

– Ох, уж эти уши, что слушают всякие нелепицы на ночь.

В глазах собеседницы засверкали искорки. Теперь она ухватила за вторую ладонь мужчины – ту, что в отличие от первой, была надёжно укрыта тканью плотной перчатки.

– Обещаю, я не буду склонять тебя к нарушению Правил. Просто хочу получить парочку советов напоследок.

– Советов по роду службы, я полагаю? – Руку он всё же отнял.

– И их тоже можно. – Подтвердила девушка, сразу, впрочем, принимая независимый вид. – Но в любом случае, Номер 528, твоя подготовка к заданию окончена. Идём отмечаться.

Она, присвистывая, подошла к стоящему неподалёку низкому деревянному столику и начала живо складывать в одну стопку разложенные по всей его плоскости листы искусственного синтетического пергамента, изрисованные картами, схемами, и исписанные мелким, местами размытым водой, рукописным текстом. Движения её отличались быстротой и чёткостью. Заметно было: она привыкла исполнять свои обязанности как следует, но в то же время особой радости они ей не приносят. Волосы её были пострижены по уши, одета она была в мужскую одежду. Лицо, пожалуй, производило впечатление довольно симпатичное, вот только рот казался каким-то чересчур резко очерченным, а губы – тонкими.

Что до мужчины, то он не проявил никаких видимых эмоций по поводу завершения навещающей на него, судя по всему, тоску процедуры. Он молча поднялся во весь свой немалый рост, расправил складки одетого поверх основной одежды длинного тёмного плаща, совершил сухой жест приглашения девушке идти впереди, а после того, как она приняла его, направился следом.

– Мне казалось, месяц назад твои волосы были длиннее. – Заметил он, мельком оглядев затылок спутницы.

– Мне их подпалили на последнем задании. – Тут она произнесла несколько слов, довольно неприлично прозвучавших из уст представительницы женского пола.

– Ну же, Номер 634. Это всего лишь волосы.

– Не в волосах дело. – Грубовато отозвалась она. – Это всё ты...

– И эти слова ты бы тоже поберегла для того, кто это в полной мере оценит.

– А ты что, не в состоянии оценить?

– О чём ты, служащая? Да что за мысли в твоей голове сегодня роятся?

– Номер 528, ну и идиот же ты, оказывается! Я думала, с мозгами у тебя всё в порядке.

– Удивительно извращённая ты особь, Номер 634. И вкусы у тебя более, чем странные. Ничего-то тебя не берёт.

Номер 634 развернулась, оглядела стоящего перед ней мужчину с головы до ног. Затем ещё раз.

– Действительно. – С неприкрытой злостью отозвалась она. – Со вкусом у меня проблемы. Сейчас я понимаю это, как никогда. И это жутко выводит. Ладно, забудь. Ты же видишь – мне и помимо волос неслабо досталось. Вот и срываюсь на всех подряд.

– Что до недавних твоих ранений, то они незначительны. Кроме того, они в итоге лишь сделают тебя сильнее.

– Ага, спасибо. Скажи это той лекарше, которая на последнем осмотре выписала мне рекомендацию на «некоторое время» перевестись в Центр!

– Служащему Центра Подготовки всегда открыт доступ в пещеры Службы Учёных. Ты можешь быть теперь в курсе всех самых последних разработок Ордена.

– Боюсь, мне до этого дела нет, Номер 528. Если б интересовалась – пошла бы в учёные, а не в разведчики.

Одно из ответвлений мелькающих мимо коридоров заманчиво, казалось, засветилось – ярким, явно искусственного происхождения, светом, – но девушка проигнорировала его, продолжая вести своего спутника по практически лишённому источников освещения туннелю. Где-то в глубине, в недрах скал, слышалось, как течёт вода.

– Уж кто-кто, а ты должен понимать меня. Когда привыкаешь к свободе, все эти пещеры кажутся настоящими камерами пыток. Тем более, когда тебя заставляют начитывать лекционный материал тем, кому уже на следующий день предстоит отправиться на *настоящее* задание.

– Ты пытаешься убедить меня в том, что завидуешь моей ближайшей участи?

– Тебе я не завидую.

– Это замечательно.

Пройдя ещё немного, мужчина и девушка вышли в обширный пещерный зал гораздо больших размеров, нежели тот, в котором они находились изначально. В противоположном конце этого нового зала темнел проход, по обеим сторонам от которого располагалось несколько вырубленных прямо в скале прямоугольных закрытых комнат-отсеков. В нижнем углу двери каждого из отсеков была нарисована, – густой, яркой краской, – дугообразная линия. Три комнаты из восьми были отмечены красной линией, три – фиолетовой, одна – голубой. На входе в последнюю было нарисовано параллельно сразу две линии: одна бежевого, другая – полосатого радужного цвета.

Девушка и мужчина подошли к одному из отсеков с фиолетовой меткой и зашли внутрь. За каменной стеной и разошедшейся деревянной дверью скрывалось небольшое помещение. Внутри располагался письменный стол со стулом, на столе аккуратной кучкой лежали принадлежности для письма. Напротив входа, во всю стену, тянулся шкаф с выдвижными ящиками, каждый был помечен трёхзначным числом. Над одним из доверху заполненных плотной стоячей стопкой бумаг нижних ящиков, склонившись, стоял молодой человек с длинными, тёмными, гладкими, завязанными в хвост волосами. Одет он был точно так же, как девушка: в брюки и рубашку свободного покроя, из хлопковой ткани совершенно чёрного цвета. Девушка стукнула по двери ногой и кашлянула. Молодой человек подскочил на месте.

– Фух! Напугали.

Он схватил со стола один из лежащих там плотных кусков искусственного пергамента, вложил его внутрь в качестве закладки, а после аккуратно задвинул ящик и склонил голову в знак приветствия.

– Теряешь хватку, Номер 287. – Прищёлкнула языком вошедшая. – Совсем ни на что не годишься. Бывший разведчик не услышал скрипа трухлявой дверцы и испугался одноглазой девчонки?

Молодой человек мягко улыбнулся и осторожно поглядел на соседа девушки – мужчину, что по-прежнему оставался стоять в дверном проёме.

– Не хочешь забрать эту так называемую «девчонку» с собой? – Предложил он ему. – Она нас всех уже порядком достала.

– Нет смысла мешать ей злиться. В конечном итоге это пойдёт на пользу и ей, и вам. – Поведал мужчина в ответ, скрещая длинные руки на груди. – Вам, конечно же, больше, поскольку вы все испытываете схожее с её чувством чувство разочарования. Лишний повод позлиться в ответ не даст вам возможности окончательно погрязнуть в жалости к себе.

– И ты туда же. – Вздыхнул длинноволосый парень, проводя рукой по правой, поначалу невидимой вошедшим стороне лица, кожа на которой была сморщенной, будто от последствий тяжёлого ожога. – Хорошо, что у меня нет только одного уха: по крайней мере, меньше гадостей услышу в ближайшее время в свой адрес.

– На это не надейся. – Раздался в ответ (несмотря на язвительный смысл фразы) довольно дружелюбный тон женского голоса. – А если серьёзно, то мы с Номером 528 уже закончили. Осталось только сделать отметки о проведённой подготовительной беседе.

– Ясно. В таком случае, приглашаю в соседний отсек. Данные по Особой Категории недавно «переехали» – они теперь все там.

– Полагаю, вы двое можете превосходно справиться с данной задачей самостоятельно. – Глухо произнёс высокий мужчина. Он говорил ровно, но в голосе его слышалось нарастающее раздражение. – Сделайте *сами* все отметки, мне до смерти надоело бродить здесь.

С этими словами он развернулся и вышел из комнаты, не глядя на присутствующих. Молодой человек приподнял брови, вопросительно глядя на девушку.

– И что это было?

– Откуда я знаю, что у него в башке творится? Мне он ничего не сказал. – Она покачала головой.

– Волнуется, наверное? Переживает?

– А вот с этого места чуть подробнее, пожалуйста.

– Его давно на такие задания не отправляли. Может, ему больше понравилось исполнять что попроще?

– Меня в это не посветили.

– А как он вёл себя во время прослушивания лекции?

– Едва слушал, разумеется.

– Как всегда?

– Как всегда.

– И едва *смотрел*, да?

– А не пошёл бы ты?

– Сегодня послали, кажется, тебя.

– Да ты...

– Нет, а если серьёзно? Как думаешь, может он и впрямь привык к такой жизни – в тепле, в безопасности, в Замке?

– Это вряд ли. Я видела его глаза сегодня. Думаю, он в предвкушении.

– В предвкушении чего?

– Кажется, не меня.

Они посмотрели друг на друга, с пару секунд: она на него с укором, он на неё – с сочувствием, – затем оба одновременно рассмеялись. Смеялись долго, до слёз. Когда девушка, не имея сил стоять, рухнула на стул, и начала понемногу успокаиваться и вытирать крохотные слезинки у уголков своих карих глаз, она, наконец, обрела способность разговаривать и сразу попросила у своего приятеля носовой платок.

– Ладно. – Тоже утирая раскрасневшееся лицо, сквозь смех пробормотал длинноволосый молодой человек. – Предположим, ты просто выбрала неудачную стрижку. Или это она тебя выбрала? В общем, я сейчас пойду пропишу эти чёртовы пометки, и можем вместе пойти в Замок обсудить. Но на сегодня точно пора заканчивать.

– Я не против. А ты чего испугался?

– Я не пугался особо, так...

– Чуть до потолка не подскочил! От всякого шороха теперь на стену лезть будешь?

– Номер 634, ты уж больно «по-разведчески» ведёшь себя для служащей Центра Подготовки. Привыкай-ка уже засовывать свою подозрительность куда поглубже.

– Кто бы вначале помог, с этим «поглубже», а дальше я уж пообвыкнусь.

– Смешно, очень. Ну всё, иди, жди меня снаружи, я скоро буду.

Девушка поднялась со стула, хлопнула молодого человека по плечу и покинула комнату.

– Я долго ждать не буду. – Донеслось из-за двери.

– Я же сказал, что скоро.

Молодой человек с повреждённым ухом, оставшись один, прежде всего открыл тот ящик, в котором копался до того, как его прервали. Он посмотрел ту папку, которую разглядывал ранее, затем, взяв со стола перо и чистый пергамент, оторвал от него кусочек, написал какие-то цифры, спрятал листок к себе в карман брюк, вытащил из ящика импровизированную «закладку», закрыл ящик и быстрым шагом направился в соседнее помещение. Там, внутри, он взял в точно таком же ящике одну очень толстую папку, пролистал, нашёл, что ему нужно было, и при помощи чернильницы и пера написал за столом в той же комнате несколько строчек.

Когда парень вышел наружу из пещер, уже смеркалось. Девушка, которую называли «Номер 634», стояла, облокотившись о скалу, и глядела прямо перед собой, периодически шевеля губами. Она сразу его заметила.

– Наконец-то. А я как раз вспоминала ту песенку, что мы разучивали в Восточном Порту, когда возвращались с предпоследнего задания.

– Напоёшь?

– Позже, может быть. Я что-то не в голосе сегодня. Угощайся, дорогой соратник.

Девушка в чёрном протянула Номеру 287 маленькую жестяную фляжку, заполненную, – судя раздавшемуся едва слышно плеску, – какой-то жидкостью. Молодой человек фляжку принял, покрутил её в своих исполозованных красными шрамами пальцах. Затем поднёс ближе к лицу и вдохнул запах.

– Ух, ты! Откуда у тебя это – можно узнать?

– Нельзя! Я так растеряю всё свое таинственное очарование, трезвоня направо и налево о своих секретах.

– Очарования у тебя хватит на десятерых.

– Какой милый комплимент! Ты решил меня утешить?

– Я думал, это ты меня утешаешь.

Она улыбнулась ему.

– Давай утешаться вместе. Самое главное – мы живы, чёрт побери! Хоть нас как следует отделали, но мы всё равно живы! Так же, как живы все те, кто служит сейчас в Центре Подготовки. Предлагаю выпить за это.

– Не всем везёт, Номер 634. Некоторые из тех, кто не в Центре, не возвращаются.

– Решено! Пьём за то, чтобы не было этого пресловутого «не».

– Согласен. Хотя нет.

– Что опять не так?

– Я хочу выпить за твоё скорое возвращение на службу в Штат Разведчиков.

После этих слов на некоторое время воцарилась тишина.

– Ты слишком-то не фантазируй. – Послышался в ответ чуть хриловатый голос. – Я надеюсь на это, конечно, но...

Номер 634 вдруг замолкла. Она резко сорвалась с места и быстрым движением, несмотря на то, что одна из её рук висела на перевязи, второй достала из-за пояса подзорную трубу. Отбежав на несколько метров от скалы, она уставилась сквозь трубу в предзакатное золотистое небо, окрашенное волнистыми теперь уже разводами малиново-красных облаков.

– Глянь-ка, Чибис опять тащит нового избранного. Что-то их много стало поступать в последнее время, не находишь? Уже третий за два месяца. – Она чуть сощурилась, приглядываясь внимательней. – Да это и не избранный, а избранная. Девушка. И... ух ты, как забавно... почти голенюкая. Вот ведь угораздило.

– Сколько лет на вид? – Оживился вдруг Номер 287.

– Тебе-то что до этого? Всё равно эта сладкая конфетка достанется Противостоянию, а не тебе.

– Можно подумать, ты знаешь наверняка.

– Интуиция, Номер 287, интуиция. У меня она работает получше твоего. Именно поэтому у меня *оба* уха целых.

Наблюдающая принялась то так, то эдак склонять голову, разглядывая движущиеся в высоте объекты.

– Ладно, так и быть, опишу её тебе, извращенец. Слушай: судя по длине ног, этой красоте лет пятнадцать-шестнадцать. Судя по размеру груди...

– Достаточно мне информации о ногах. – Перебил вдруг собеседник. – Я хочу сегодня ночью нормально поспать. Хватило мне уже этих...

– Кого – этих?

Молодой человек промолчал, сделав вид, что его внезапно заинтересовала пробка от фляжки. Вышло совершенно неестественно.

– А ну-ка, договаривай.

Он кратко вздохнул.

– Давай, не тяни. Ты тоже надо мной издеваешься постоянно, хватит строить из себя обиженного.

– Думаешь, ты не могла меня обидеть?

– Думаю, ты и сам в этом хорош. Кончай выделяться!

– Хорошо, только это между нами.

Та, которую называли Номер 634, услышав такие слова, заулыбалась.

– Обожаю секреты! В ладоши бы захлопала, но... сам понимаешь, хлопать смогу, в лучшем случае, только через пару месяцев. Что за секрет?

– Бывшая напарница твоего обожаемого Номера 528... напарница, Номер 634, *напарница*, – тоже является служащей Особой Категории.

Ответное выражение лица девушки оказалось красноречивее всяких слов.

– Она ведь не изменилась!

– То-то и оно. В её случае внешних изменений не произошло.

– Вот как. И почему, ты думаешь, руководство решило открыто не заявлять о произошедшем?

– Женщины обычно переживают огласку тяжелее.

Девушка хмыкнула, затем ловким (видимо, натренированным) движением одной руки убрала подозрную трубу обратно за пояс и поправила повязку, надёжно прикрывающую её правый глаз. Затем, встав недалеко от молодого человека, она, – так же, как и он, – посмотрела вверх.

– Я вот на её месте переживать бы не стала.

Перекрасившийся поначалу из золотого в кроваво-красный, небосвод со временем стал тускнеть. Постепенно он превратился в тёмно-синий. Начали появляться, – одна за другой, – звёзды. Два человека продолжали глядеть вверх, стоя на некотором (не совсем, правда, позволительном Орденом) расстоянии друг от друга. Наконец, девушка произнесла совершенно серьёзным голосом:

– Мы с тобой – два неудачника. Вот почему, скажи, нам с тобой обоим так нравятся эти... сам знаешь, кого я имею в виду.

– Полагаю, всё дело в нашей естественной природе. – Чуть улыбнулся, глядя на звёзды, Номер 287. – Понимаешь, Сила – есть суть всего живого. И, как и всё живое вокруг, мы с тобой тоже тянемся к Силе. У кого она больше, к тому мы и тянемся. Мы просто лучше других её чувствуем. Этим стоило бы гордиться.

Они помолчали ещё немного.

– Да, я хотел сказать...

– Это не признание в сладких чувствах ко мне, надеюсь?

– Если выйдешь опять на службу разведчиком, – не обращая внимания на очередную издёвку, продолжил Номер 287, – пожалуйста, будь осторожнее, Номер 634, особенно в первые месяцы. Инстинкты сильно притупляются, когда перерыв между заданиями дольше обычного.

– Ты думаешь, я действительно смогу выбраться отсюда? Из Центра?

– Почему нет? Ты выглядишь, правда, не очень, но намного лучше, чем я.

– Вот так утешил.

– Я говорю, *намного лучше*. И ещё...

Девушка положила руку приятелю на плечо, прикрыла глаза и кивнула.

– Я знаю. Знаю. Мечтаем о лучшем, но не забываем про Правила, да. А теперь бери эту фляжку и пойдём допивать её в Замок. Мы ещё вполне успеваем на ужин, как вполне себе добропорядочные служащие.

Звонко щёлкнули в воздухе пальцы, чуть-чуть не достав носа успевшего вовремя уклониться светловолосого молодого человека. Тот, не растерявшись, схватил сидевшую рядом с ним на полу длинноволосую девушку и прижал к себе.

– Сейчас добросишься. Изнасилую – точно тебе говорю.

– О, да, я вся сгораю от желания. – Раздался нарочитый, с придыхом, ответ. – Прямо здесь это сделаем, на полу?

Довольно громко заржав, парень оттолкнул от себя девушку и махнул на неё рукой.

– Ну вот. Как всегда – всё испортила. Можешь ты прикинуться недотрогой, хоть разок?

– Я – сама честность и открытость. Как ты мог подумать, что я стану изображать из себя сухую, чёрствую щепку? Кстати, о щепках... в чём я послезавтра понесу образцы? Ты, мой милый, надеюсь, этим озаботился?

– Кто, кроме меня, может об этом позаботиться? Твоя голова ведь занята более важными идеями. На, лови.

Секунду спустя девушка приняла брошенный в неё «опилковый» (изготовленный из плотно спрессованных отходов древесины) чемодан, – едва успев ухватить его обеими руками прежде, чем тот успел острым углом коснуться её лица.

– Маловат. – Невозмутимым тоном резюмировала она, глядя при этом прямо на угол, что находился сейчас в паре сантиметров от её правой брови. – Я вообще-то хотела взять с собой побольше образцов. *Больше*.

– Хватит этого. Ты забыла, что нам нужно каким-то волшебным образом добраться до места *незаметно*?

– Вот ты об этом завтра и подумай, какого чёрта меня дёргать?

– Пошевели сама мозгами, хоть разок. А то одно на уме в последнее время.

– Зануда.

– Одержимая.

Девушка начала неспешно заполнять чемодан, покачивая головой и едва слышно напевая. То и дело слышался металлический звон, затем щёлканье. Она складывала внутрь что-то совсем небольшого размера и странной формы: вроде еловых шишек, только металлических.

– Потренироваться не хочешь? Центр Подготовки уже давно пустой стоит. Все наши прекрасные избранные давным-давно нежатся в своих холодных одиноких постельках. – Предложила она пару минут спустя.

– Не думаю. – Отозвался парень, потирая воспалённые долгой и кропотливой работой, но не потерявшие, при этом, яркости чистого голубого оттенка, глаза. – Да и с чего ты взяла, будто все спят? Там постоянно кто-то дежурит. Вообще, если честно, я за сегодня уже и так устал прилично...

- Слабачок ты, мой сладкий.
- Может поспорим, чья служба тяжелее?
- Разумеется, моя.
- Ты сегодня точно допросишься. Я не шучу.
- А я тебе сразу дала понять, что не против.

Девушка, наконец, окончила своё занятие. Закрыв чемодан на все защёлки, она подняла лицо на собеседника, а после, – с выражением лица весьма и весьма многообещающим, – задиристо подмигнула ему.

- Готово. – Она подняла свою ношу, поднесла к двери и осторожно привалила к стенке.
 - Точно готово?
 - О, да. А насчёт себя что можешь сказать?
- Парень поднялся, тоже подошёл к двери и открыл её перед девушкой.
- Желаю хорошего сна. До завтра.
 - И это всё?
 - Иди уже.

Девушка улыбнулась (то ли устало, то ли печально), пожала плечами, приняла несколько задумчивый вид и, – наматывая на руку свои длинные трёхцветные волосы, – вышла из комнаты.

Несмотря на то, что Стелла, наконец-таки, добралась до постели, – сон упорно не желал к ней приходить. Возможно, причина крылась в том, что в новой комнате было несколько прохладно (гораздо холоднее, чем в привычной комнате в доме её родителей). Быть может, так же отсутствие желания спать объяснялось тем, что она слишком вымоталась за день, и теперь просто не могла заставить себя расслабиться. Так или иначе, но Стелла, казалось бы, совсем недавно готовая провалиться в глубокий беспробудный сон, – не смогла сразу заснуть, а потому предалась размышлениям. Она могла убеждать себя в обратном сколько угодно раз, но пришлось ей, всё же, смириться с тем, что она до сих пор не может полностью поверить в реальность того, что с ней приключилось.

Она поднялась с постели, прошлась немного по тёмной комнате. Благодаря отсветам лунного света в окно и собственным рукам, пришлица из иного мира смогла на ощупь определить, что в одном углу комнаты спит она, в другом находится что-то, похожее на обеденный стол, а в третьем стоит длинный угловой книжный шкаф. Так же в помещении есть ещё одна дверь, помимо входной, и эта новая дверь довольно-таки нервировала, так как было непонятно, что конкретно за ней находится. Она открыла её, и внутри увидела лишь тьму, а фонаря у неё по-прежнему не было.

Пришлось закрыть и лечь обратно.

Стелла достаточно хорошо помнила некоторые моменты своего детства. Например, те эпизоды, когда она рассказывала взрослым всякие истории, выдуманные ею: про «волшебство», про другие миры, про всяческих необычных существ, – ну и тому подобные вещи, которые любят придумывать почти все дети. Стеллу всегда жутко злило, что взрослые, в ответ на те её рассказы, как правило, снисходительно кивали головой, на самом деле не веря ей. Что касалось её, сама она в собственное враньё очень даже верила, несмотря даже на его осознание. Ей достаточно было того, что в её воображении рассказанное являлось правдой. Тогда, в дни своего беззаботного детства, она часто повторяла себе слова о том, что она ни за что не станет такой же, как «...все эти...».

Она надеялась верить в чудеса всегда. И что же в итоге произошло с ней, когда «чудо», наконец-то, свершилось?

Перво-наперво она посчитала окружающее её пространство бредом, галлюцинацией, навеванной наркотическим дурманом, и всё это лишь по той причине, что её засоренный постулатами так называемого «реального мира», «социума», «цивилизации» мозг не захотел принимать *этот* новый мир как ещё одну совершенно реальную действительность. Она ведь поначалу готова была скорее поверить тому, что её родители незаметно подсыпали ей галлюциногенных таблеток в тарелку с ужином, нежели в подлинность существования параллельных миров.

– Непонятное, неопознанное. – Прошептала Стелла самой себе.

Непонятное, неопознанное, – как правило, является для человека (на уровне подсознания, априори) неприятным. Мозг зрелого, сформировавшегося индивидуума очень часто стремится в качестве компонента защиты как можно скорее навесить на то, что непонятно, ярлыки типа: «бредовый», «нелогичный», «нереальный».

«А ведь, если хорошенько задуматься...»

Когда-то, наверное, и те, кого сейчас называют первооткрывателями, просто не побоялись поверить в то, чего, по мнению других, нет и быть не может. Тот же, напротив, кто живёт обычными мирскими радостями и не желает видеть что-то необычное рядом с собой, получается, является, просто-напросто... заложником своей лени? Лени думать. Лени действовать. Лени поверить в то, что реальным может быть даже то, что кажется поначалу «полным бредом». С другой стороны, кто вообще придумал понятие «бред»? И что можно считать бредом? То, что не принято большинством живущих? А разве большинство не может ошибаться?

Стелла покрутилась ещё немного, пытаясь найти удобную позу, в которой она смогла бы поскорее уснуть. Мысли её плавно перетекали в несколько иное русло.

«Если всё на самом деле, то *как* мне теперь жить дальше? Чего ожидать конкретно от завтрашнего дня?»

Здесь, в этом мире, кажется, Стелле предстояло в полной мере вкусить свободы, к которой она так часто взывала. При этом, в *этом* мире не было места самой верной её защите. Родители, – надоедливые, навязчивые донельзя, – остались где-то *там*. Их здесь нет, и не будет, и... кто знает, не возненавидит ли она когда-нибудь этот мир за то, что он отнял их у неё, пусть это и было когда-то её собственным желанием?

«Я должна, обязана поспать. Возможно, я проснусь завтра под звуки радио, и пойму, что зря думала обо всём этом. Всё просто».

В голове Стеллы сам собой возник образ лисёнка, забившегося в свою нору и укутавшегося в ворох опавших листьев. Увидев эту картинку, она поняла, что, наконец-то, начинает засыпать.

Она стоит на коленях, на самом краю отвесного мыса. Смотрит вперёд.

Золото заката разливается по спокойной, начисто лишённой волн морской глади.

Облако, зависшее в прямой видимости от ее взгляда, похоже на розовато-кремовый замок.

Кто-то стоит позади неё и смотрит. Следит за ней.

В затылок уткнулось что-то твёрдое, металлическое.

Запахло порохом.

Гарью.

В закатной тишине раздался выстрел.

Стелла резко открыла глаза. В комнате царил сумрак. Светало, но солнца почему-то видно не было. Что-то мелькнуло в окне ярким всполохом.

«Молния?»

Стелла любила непогоду. В грозу понежиться в постели особенно приятно. С наслаждением мурлыкнув, она укуталась было с головой в одеяло, но сон, отчего-то, не пожелал к ней вернуться.

«Сегодня же выходной. В школу идти не надо. – Подумала она. – В чём же дело?»

Где-то за окном явственно слышались птичьи трели, они походили на музыку.

Внезапно до Стеллы дошло.

Вчера ничего не приснилось. Все было по-настоящему.

Она отбросила одеяло, подскочила. Кровать, на которой она провела ночь, оказалась довольно высокой: вчера (видимо, из-за темноты) Стелла очень аккуратно спускалась, зато теперь, утром, решив не глядя прыгнуть, в отместку за это чуть было не стукнулась головой о пол. На улице в этот самый момент полыхнула молния, сопровождаемая на сей раз жутким раскатом грома. Пение птиц за окном (точнее, это была, кажется, одна-единственная птица) враз усилилось.

«Какого чёрта?»

Оконный проём комнаты имел вид полукруга, а размерами равнялся примерно половине человеческого роста. Подойдя к нему вплотную (окно располагалось по левую руку от кровати, совсем рядом) и облокотившись ладонями о подоконник, Стелла разглядела снаружи, за стеклом, на небольшом участке необработанной скалы, своего вчерашнего пернатого знакомого (либо кого-то, очень сильно на него похожего). Чёрный дрозд сидел, весь взъерошенный, и глядел на неё сквозь стекло. Стелла протянула руку, чтобы открыть окно, и птица в тот же миг улетела.

– И зачем, спрашивается, было меня будить? – Протирая глаза ото сна, рассеяно произнесла она.

Неожиданно в дверь комнаты постучали.

Оставив окно открытым, Стелла осторожно, на цыпочках двинулась к входной двери. Сразу почувствовав что-то необычное под своими ступнями, она посмотрела вниз: пол оказался не плоским, но составленным множеством галечных камней – выпуклых, больших, разноцветных. Стелла осторожно подобралась к самой двери, пользуясь тем, что её шаги заглушает шорох раскачиваемых ветром штор.

– Лаура? Это вы?

Раскат грома. Ещё одна яркая вспышка молнии, осветившая всю комнату.

– Доброе утро, дорогая. – Раздался приятный голос из-за двери. – Это я, всё верно. Жду тебя на выходе из Замка. Постарайся не слишком задерживаться. Советую немного поторопиться.

– Хорошо. – Бросила Стелла. – Я уже собираюсь. Как выйти – помню.

Из коридора слышались звуки удаляющихся шагов.

Но вопреки обещаниям, быстро уходить сама «избранная» не торопилась. Перед уходом она решила подвергнуть краткому осмотру окружающую обстановку, разглядеть которую вчера ночью, – из-за недостатка освещения и переизбытка усталости, – ей не представилось возможным. Торопиться Стелле не хотелось совершенно. У неё вообще не возникало желания в ближайшее время покидать это помещение: его следовало перед тем хорошенько изучить.

Для начала выяснилось следующее: место, которое скрывалось за деревянной дверью с номером «523», – являлось не комнатой даже, но очередной пещерой, гротом, довольно неплохо (да что уж там неплохо – мастерски, художественно, и при том весьма компактно, рационально и практично) оборудованным под жилое помещение. Размеры его составляли около десяти шагов в длину, около шести в ширину, и около двух человеческих ростов

в высоту. Разумеется, расчёты эти были весьма условны, ведь в данной «комнате» практически отсутствовали ровные стены и углы – то есть, в некоторых местах часть стены как бы «уходила» вглубь, в некоторых, наоборот, кусок скалы «въезжал» внутрь. Стены, как и пол, местами были выложены галькой, в основном трёх цветов: серого, тёмно-зелёного и бордово-красного. Галька присутствовала, впрочем, не везде, но только на относительно ровных участках бежево-серых сводов породы. Все острые выступы и впадины были просто зачищены.

Слева от входной двери (если стоять ко входу спиной, а к помещению лицом) стоял в углу небольшой аккуратный круглый деревянный стол, и три соответствующих ему стула, с высокими спинками. Над столом висел на стене ящик с дверцами, более всего похожий на буфет для хранения посуды или еды. Дальше стола, вдоль левой стенки, между столом и кроватью, на которой спала сегодня Стелла, из стены помещения «входила» внутрь комнаты отделяющая обеденную зону от спальни неровная скальная выемка, около полуметра длинной. Большая круглая кровать: без ножек, но зато на высокой платформе из тёмного дерева, – находилась в дальнем левом углу комнаты, рядом с окном. На кровати сверху лежало смятое Стеллой за ночь покрывало, под ним виднелось одеяло, а сверху разбросаны были три подушки: одна большая и две маленьких. Все постельные принадлежности имели тёмно-бордовый цвет. Вплотную к кровати прилежала прикроватная тумбочка с тремя отделениями, имеющая, так же, как кровать, основание в форме круга. Крышку тумбочки прикрывала ажурная вязаная по типу «паутинки» салфетка, на которой покоилась пятнистая, тёмно-бурая, вся в наростах морская раковина, весьма внушительных размеров. Занавеси в пол, спускающиеся с перекладины под потолком по обе стороны от полукруглого окна, – были, почему-то, разных цветов: одна бордовая, вторая – тёмно-зелёная. Рядом с окном стояло так же круглое плетеное кресло. Далее вдоль этой же стены располагался длинный-длинный, переходящий затем и на смежную стену угловой книжный шкаф. Упирался это шкаф, – заполненный, помимо книг, также рукописями и стоящими между ними на полках разнообразными предметами, вроде бронзовых статуэток, раковин, кораллов, кристаллов, и всяческих других занимательных вещиц, – в закрытый выпирающий отсек неровной формы, с дверью. Отсек занимал немногим меньше четверти всего пространства помещения. Дверь, служившая в него входом, находилась в паре метров от входной двери в основную комнату. На участке между двумя этими дверями стоял плотно прижатый к стене платяной шкаф, имеющий тот же тёмный оттенок, что и абсолютно вся прочая деревянная мебель в комнате.

Конечно же, сейчас, когда видимость стала намного лучше, нежели ночью, Стелла не преминула заглянуть внутрь таинственного отсека. Там скрывалась ванная комната, с настоящим, но, правда, абсолютно не современными атрибутами, положенными находиться в подобном помещении. Стелла такие видела разве что в раритетных журналах, что хранились у её деда по матери. Помимо фаянса (не ярко-белого, и не цветного, как в родительском доме, но песочно-бежевого цвета), в этой комнатке было непривычно много дерева, но, по большому счёту, раковина, ванная, унитаз и прочее функционально мало чем отличались от привычных. Помещение ванной было не в кафеле, но, так же, как и основное, частично выложено изнутри галькой, – на сей раз одного только серого цвета.

В ванной Стелла немного задержалась, поскольку нужно было умыться и привести себя в порядок. Здесь имелись в наличие всё то же серое, пахнущее травами мыло, и ещё какая-то странная вязкая зеленоватая зубная паста в картонном тюбике, с деревянной зубной щёткой в придачу. К сожалению, не хватило времени на то, чтобы поизучать флаконы, которыми был заставлен изнутри шкафчик под малым зеркалом, а также полностью обмыться водой и принять душ (это бы, верно, взбодрило), но что-то подсказывало, что «контрастный душ» с утра и без того будет.

Так как времени, данного Лаурой, по ощущениям оставалось всё меньше, – и в общем-то, неизвестно было, что сделает Лаура, если она заставит ждать себя слишком долго, – из «комнаты-гроты» под номером 523 Стелла уже не выходила, а выбегала.

Звуки её шагов разлетались по пустующему коридору громким эхом. Слишком тихо было здесь, будто она являлась единственным обитателем этого многоэтажного «гиганта». Этого ведь никак не могло быть на самом деле? Может быть, всё дело в том, что здесь просто никто не встаёт слишком рано? Либо, наоборот – все уже давным-давно встали.

Кто знает...

Сбежать по лестнице быстро не получилось: отсутствие нормального освещения не позволило как следует разогнаться, а острые выступающие части каменных украшений на перилах не дали возможности хвататься за них в качестве подстраховки. Наконец, самый нижний пролёт лестницы был преодолен и, не глядя по сторонам, бегом по «шахматному» полу, под очередной удар грома, Стелла, – толкнув от себя массивную входную дверь крепости, – выскочила на улицу.

Лаура ждала её у самого входа, и пока дверь открывалась, продолжала ещё первые секунды глядеть в сторону вершины хребта, что хорошо был виден из замка. Стелла посмотрела туда же, и увидела, как тёмно-серое пространство у неё над головой осветилось ослепительно-яркой вспышкой молнии. Разряд природного электричества пронзил за раз пол-неба – длинной, огненной, извилистой веткой. Спустя пару секунд снова прогремел гром. Звук был столь умопомрачительным, что Стелла подумала: сейчас небо расколется надвое, а его обломки упадут на землю, придавив собой все живое вокруг. Наверное, во всём виноваты были горы, усиливающие эхо, но звук показался ей настолько ужасным (да ещё и вкупе с этой невероятно длинной молнией), что ей вдруг очень захотелось куда-нибудь спрятаться.

– Мне обязательно подниматься на вершину именно сегодня?

Стелла была бы не против услышать, что в связи с неприемлемыми погодными условиями ее восхождение переносится на завтрашний день, а сейчас можно подняться назад в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.